

Регион – Москва
Департамент образования и науки города Москвы

**Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования
города Москвы**
**«Московский детско-юношеский центр
экологии, краеведения и туризма»**

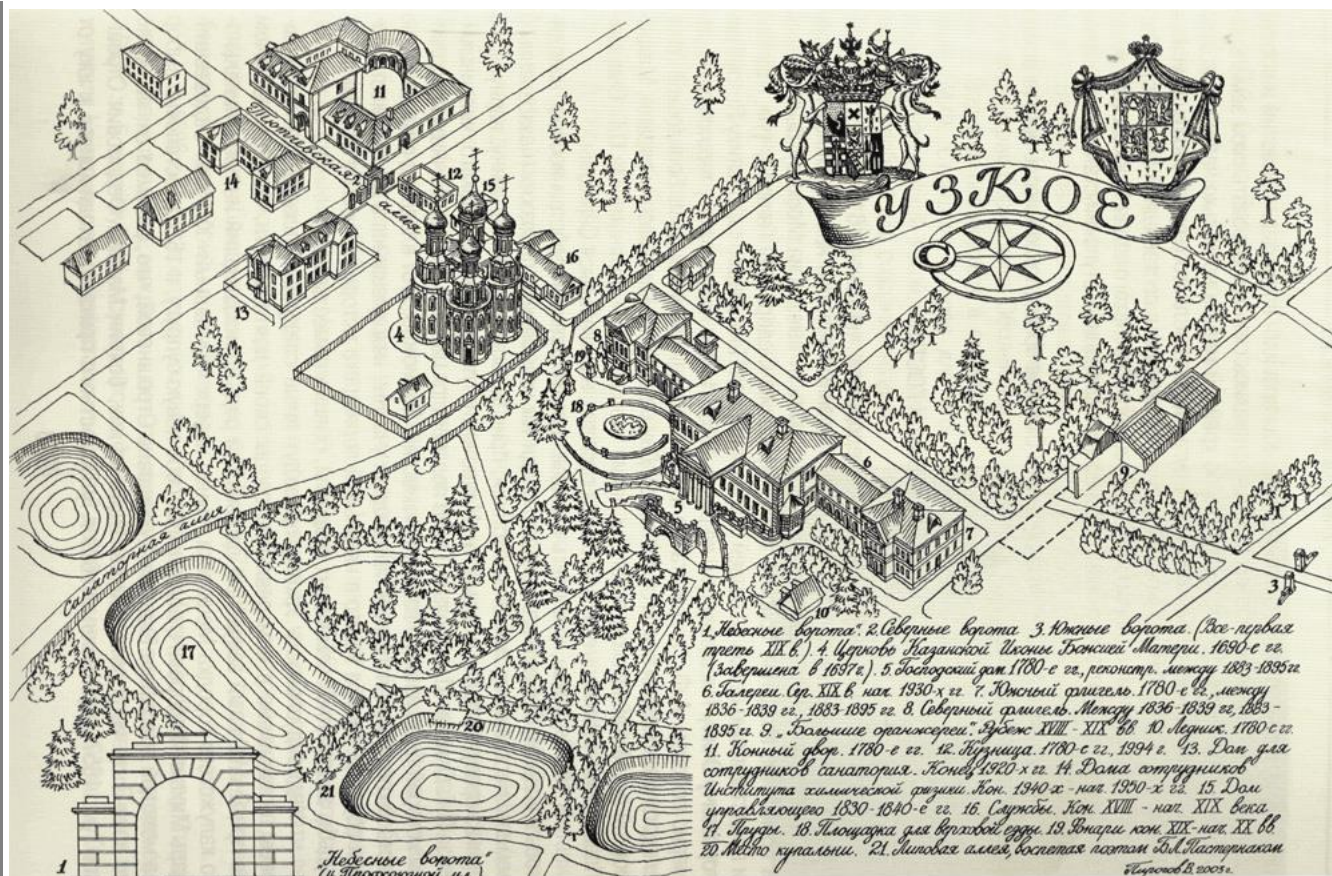
Название школьного образовательного туристского маршрута	Приветливое Узкое: дворянская усадьба Стрешневых, Голицыных, Толстых, Трубецких Коробко М.Ю. телефон: +7 495 720 08 41 эл. почта: kraemos@yandex.ru
Ресурсы о регионе и районе маршрута	Официальный сайт Мэра Москвы: https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/17614221/?ysclid=lh929m7qh870055299 Официальный портал правительства Москвы Узнай Москву: https://um.mos.ru/houses/usadba-uzkoe/# Сайт Русская архитектура: http://www.rusarch.ru/korobko1.htm Усадебные ансамбли Москвы: https://uzaok.ru/viewtopic.php?f=99&t=16356 Усадьба Узкое: https://uzaok.ru/viewtopic.php?f=99&t=5167 Усадьба Узкое. Владельцы и владения: https://uzaok.ru/viewtopic.php?f=99&t=5430 Шеппинг Д. О. - Древний Сосенский Стан Московского уезда: https://uzaok.ru/viewtopic.php?f=99&t=11477

	<p>Граф Петр Александрович Толстой (1769*–1844). Материалы к биографии: https://uzaok.ru/viewtopic.php?f=99&t=5436</p> <p>Жизнь и судьба князя Петра Николаевича Трубецкого (1858–1911): https://uzaok.ru/viewtopic.php?f=99&t=5433</p> <p>Путеводитель по усадьбе Узкое: http://www.testan.narod.ru/moscow/book/moscow_usad/mos_usad_uzkoe.html Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII-XX веков: http://www.testan.narod.ru/moscow/book/uzkoe/index.htm</p> <p>Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы Узкое: http://www.testan.narod.ru/moscow/book/usad/usadby13_1.html</p> <p>Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII-XX вв.: http://www.testan.narod.ru/moscow/book/uzkoe/uzkoe21.htm?ysclid=lh92bx5nwp120637524</p> <p>Путеводитель по памятным местам Статьи о Москве Владимир Соловьев в Москве: http://www.testan.narod.ru/moscow/article/solov.htm</p>
<p>Предполагаемая целевая аудитория</p>	<p>7-11 классы, возможно посещение смешанных групп с родителями, в рамках внеурочной и внеклассной деятельности. Обучающиеся объединений дополнительного образования туристско-краеведческой направленности связанных с изучением программ по Москововедению. Участники проектов Всероссийского туристско-краеведческого движения обучающихся «Отечество». Организованные детские группы из других регионов.</p>
<p>Сезон</p>	<p>Все сезоны. Предпочтительно поздняя весна, лето, ранняя осень</p>
<p>Ключевые</p>	<p>#Усадьбы, #ЮЗАО, #Архитектура, #Краеведение, #Стрешневы, #Голицыны, #Толстые, #Трубецкие,</p>

направления (хэштэги)	#Отечественная_война_1812,
Маршрут интегрируется в образовательные /воспитательные программы	Основные программы ФГОС (история России, культурология, МХК, Русская литература и др.), так же в программы туристско-краеведческой направленности и внеурочной деятельности. (Краеведение, москвоведение).
Возможный уровень познавательной/образовательной нагрузки	Досуговый; Ознакомительный; Просветительский; Исследовательский;
Доступность для детей с ОВЗ и детей-инвалидов	Доступен для детей с ОВЗ в составе смешанных групп (при сопровождении ассистентом), при отсутствии противопоказаний средней физической нагрузки.
Продолжительность маршрута	3 часа
Протяженность маршрута	3 км
Пункты, через которые проходит маршрут	Господский дом с флигелями, большие оранжереи, служебный корпус, служебный флигель, кузница, конный двор, Северные ворота, Казанская церковь, третий и четвёртый пруд усадьбы в Узком, Южные ворота, парк, Западные ворота (Небесные ворота),

(объекты показа)	
Цели и задачи маршрута, в т.ч. образовательные и воспитательные	<p>Формирование и поддержание интереса населения различных возрастных групп к истории своего района.</p> <p>Организация и совершенствование досуга детей и молодежи, а также других возрастных групп населения.</p> <p>Популяризация темы краеведения, развитие интереса населения к объектам культурного наследия, истории архитектуры, краеведческой литературе.</p>
Дополнительные условия	<p>Договоренность с администрацией санатория «Узкое» для осмотра территории усадьбы и доступа в господский дом</p> <p>Проезд: ст. метро «Коньково», далее автобусом № 49 до конечной остановки, либо любым автобусом или троллейбусом до остановки «Палеонтологический музей», затем полтора километра пешком по Санаторной аллее; ст. метро «Калужская», далее автобусом № 642 до остановки «Соловьиный проезд».</p>

Фотоматериал

Старинная карта усадьбы Узкое нач. XX в.

План. 1 — Церковь Казанской Божией Матери, 2 — Жилой корпус, 3 — Служебный корпус, 4 — Котельный двор, 5 — Оранжерея, 6 — Главный дом, 7 — Фрагменты козних ворот, 8 — Северные ворота, 9 — Усадебные постройки, 10 — Подвальные постройки

Карта схема Усадьбы Узкое

Фотография господского дома в 1895 г.

Главный вход в господский дом

Господский дом с востока

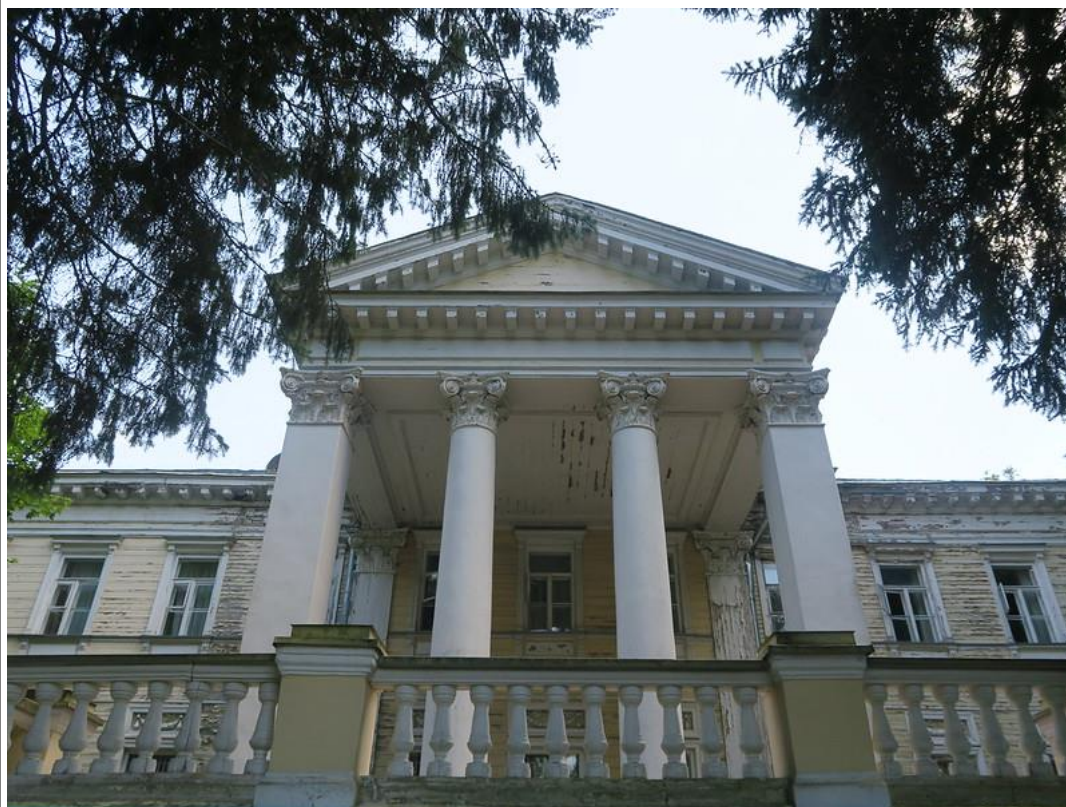
Господский дом с севера

Переход-галерея между господским домом и северным флигелем.

Северный флигель

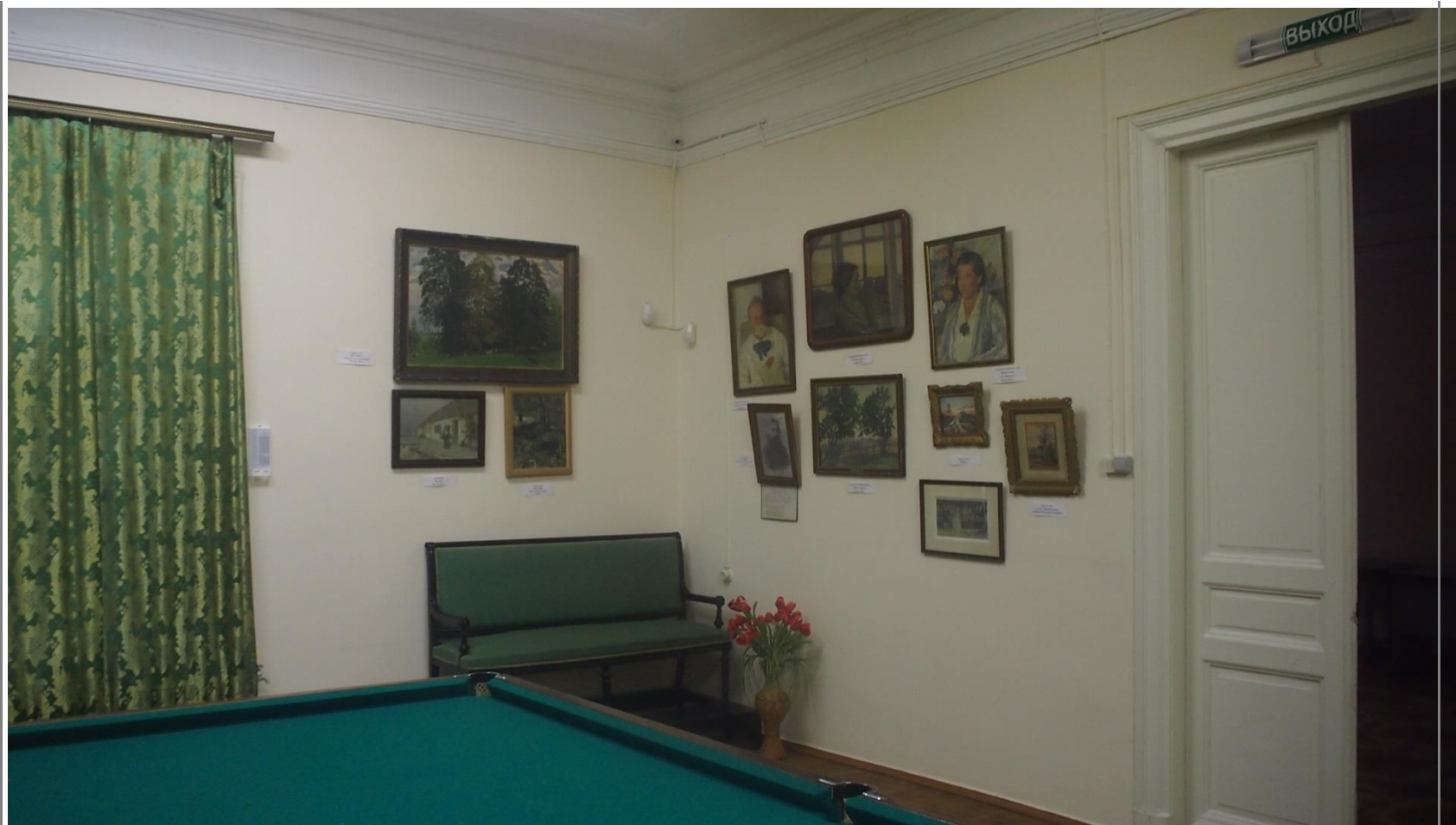
Портик господского дома

**Лестница
дома**

В

ГОСПОДСКОМ

Господский дом внутренний интерьер

Борисовский В.Л.
(1757 - 1825 г.г.)
«Портрет известной
дамы»

Малая гостиная

Уголок большой гостиной

Оранжерея

Корпус служб.

Служебный флигель

Кузница

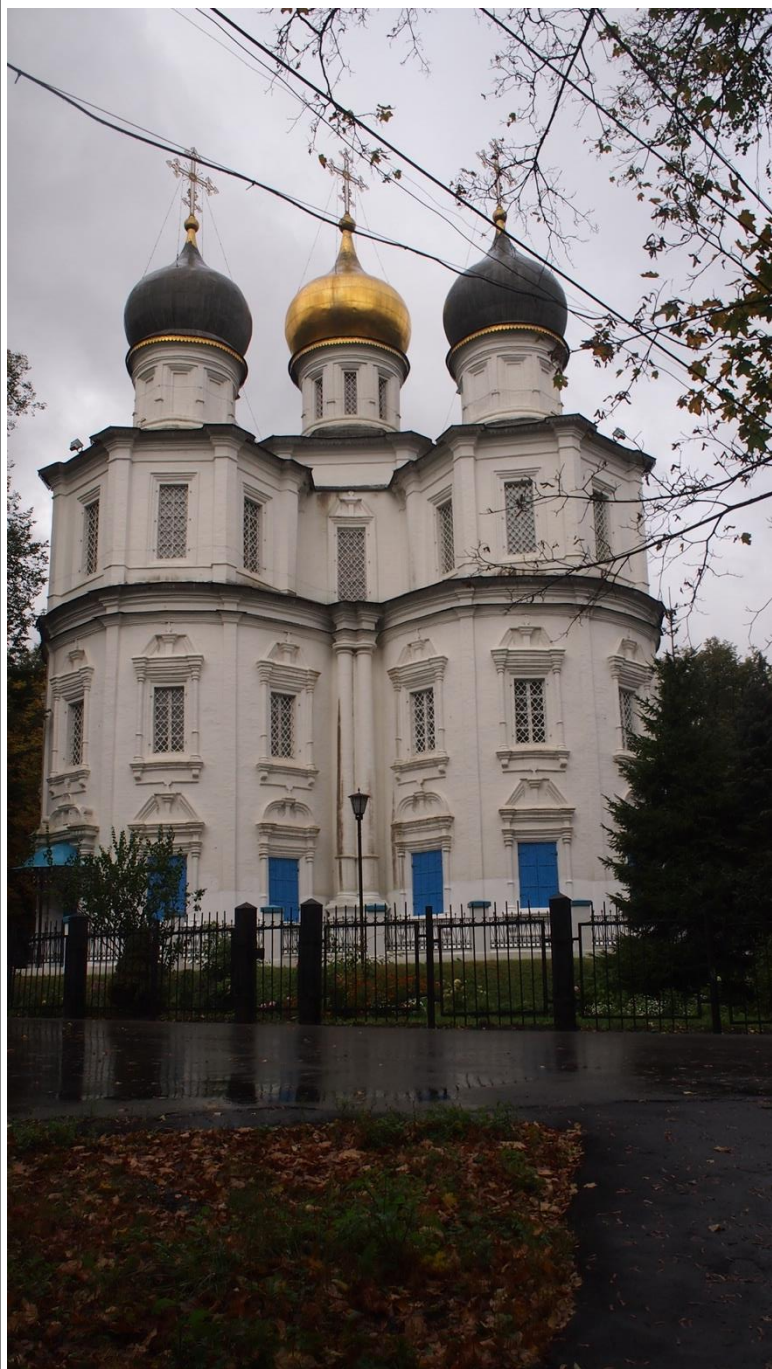
Конный двор

Башня конного двора.

Северные ворота.

1 день (3 часа)	3 часа
Методические материалы работы маршруте	<p style="text-align: center;">ВЛАДЕЛЬЦЫ И ГОСТИ</p> <p>Согласно расхожей легенде, первоначальной формой названия этой местности было — Ужское, якобы возникшее от ужей, разводимых здесь для уничтожения лягушек в прудах. Но это неверно ни с исторической, ни с языковой стороны: данная форма не зафиксирована в источниках, а главное — Ужское не могло образоваться от существительного уж (ср. уж — ужинный). В наиболее ранних документах по истории усадьбы ее название интерпретируется как Уское или Усково (в дальнейшем мы, за исключением цитат, придерживаемся наиболее распространенного написания — Узкое, существующего с XIX в.). Логично предположить, что среди первых владельцев этой местности, документальные сведения о которых не дошли до нас, были люди с такой необычной фамилией или прозвищем. Это тем более вероятно, поскольку известно, что в XVI в. существовал род дворян Уских. В дворцовых разрядах под 1557 г. среди голов по полкам «в правой руке», то есть среди достаточно высокопоставленных военных, значится некто «Федор Семенов сын Уского». Возможно, это именно то лицо, которому принадлежал один из населенных пунктов, находившихся относительно недалеко от Уского, деревня (позднее село) Картмазово. Согласно источникам кон. XVI — нач. XVII в., она числится за стрелецким сотником Федором Уским (отчество не указано). Можно предположить, что по нему, и получило свое название Узкое. Как правило, владельцы поместий и вотчин, разбросанных по окрестностям Москвы, старались сконцентрировать свои земельные владения если не в единое целое, то, по крайней мере, в несколько частей, находившихся сравнительно недалеко друг от друга. Вероятность этого предположения усиливается тем, что в XVI в. и Узкое, и Картмазово входили в</p>

состав одной административно-территориальной единицы, так называемого Сосенского стана Московского уезда (впоследствии Картмазово было перенесено в соседний Сетунский стан, граничивший с Сосенским). По-видимому, род Уских пресекся в Смутное время, т.к. после него их земли оказались у государства.

Неверна и иногда встречающаяся в популярных изданиях современная попытка произвести название Узкое от мифической речки Узы. Не говоря о том, что по любой речке расположено достаточно многонаселенных пунктов и нужны достаточно весомые причины, чтобы ее имя закрепилось за одним из них, название Уза не упоминается в документах, вместо неё через Узкое протекает речка Чертановка, причем ни один из ее притоков не назывался Узой. Кроме того, в Узком все притоки Чертановки по сути, являются ручьями или даже временными водотоками, а на старых картах зачастую считаются оврагами, т.е. Узкое не имело более-менее значительных водотоков природного происхождения, формирующих образ этой территории.

Еще одно ошибочное название Узкого породила опечатка в публикации «Алфавита владельцам, ставившим со своего имени в Московское земское ополчение воинов» в Отечественную войну 1812 г. Там Узкое названо не Богородское, а Ногородское. С легкой руки искусствоведа Н.М. Молевой, не понявшей ошибку и по своему интерпретировавшую ее в своих современных работах, она превратилась в никогда не существовавшее применительно к Узкому название - Новгородское.

При первом Романове — Михаиле Федоровиче, не ранее 1616 г. пустошь Узкое (Уское) — большой незастроенный и незаселенный участок, находившийся по левую сторону Старой Калужской дороги (если считать от выезда из Москвы) был передан в поместное владение боярину князю

Афанасию Федоровичу Гагарину (ум. в 1624 г.) и представителю одной из ветвей старинного рода Плещеевых — стольнику Петру Григорьевичу Очину-Плещееву (ум. не ранее 1655 г.). Они поделили эту территорию примерно пополам. А.Ф. Гагарин также владел соседними пустошами: Борисовкой (впоследствии церковная земля села Узкого), Даниловкой (на Коньковском или Даниловском овраге) и Михайловкой (на Михайловском овраге), и двумя «погорелыми» полянами. За П.Г. Очиным-Плещеевым числилась еще всего одна пустошь, называвшаяся Средняя.

В 1627 г. Узкое, к тому времени уже опять ставшее государственной собственностью, находилось в ведении Поместного приказа, среди так называемых «порозжих» (то есть незаселенных земель). Несомненно, половина пустоши, принадлежавшая А.Ф. Гагарину, вернулась в приказ сразу же после его смерти. Менее ясен путь другой части Узкого, числившейся за П.Г. Очиным-Плещеевым. Он не подвергался царской опале, обычным следствием которой было изъятие вотчин и поместий. Возможно, этот владелец обменял свою часть Узкого на аналогичный по площади участок, находившийся в другом месте. Таким образом, судьба Узкого в начальный период его истории ничем не отличается от судьбы аналогичных земельных владений, бывших поместьями. Индивидуальность придадут Узкому лишь следующие владельцы — Стрешневы, оставившими в нем реальные следы своей деятельности.

Этот ранее ничем не примечательный захудалый дворянский род, произошедший из провинциальнейшего калужского городка Мещовска, вынес наверх «бунташный» XVII век. Овдовевший царь Михаил Федорович, подыскивая себе новую супругу, в 1626 г. остановил выбор на молодой красавице Евдокии Лукьяновне Стрешневой, что, разумеется, не могло не возвысить ее

родственников. Один из них, дворянин Максим Федорович Стрешнев (ум. в 1657 г.), приобрел в 1629 г. у Поместного приказа находившиеся к югу от Москвы бывшие владения А.Ф. Гагарина и П.Г. Очина-Плещеева, составив из них свою вотчину. Одновременно были куплены и некоторые соседние территории: располагавшиеся на Нераковом овраге пустоши Огурцово (Ершово) и Темирово, а также пустошь Кувардино (Униково). Все они ранее составляли поместья боярина Петра Ивановича Неелова и князя Дмитрия Борисовича Оболенского.

Задумав постройиться в своей вотчине, М.Ф.Стрешнев выбрал для этого место на пустоши Узкой, оказавшейся наиболее удобной для создания и обустройства усадьбы. На ней до 1641 г. были сооружены первые деревянные постройки. Доминантой ансамбля стала одноглавая церковь Казанской иконы Божией матери, имевшая придел Николая Чудотворца. С момента ее освящения Узкое стало селом. Поскольку для ведения хозяйства требовалась рабочая сила, то недалеко от усадьбы появилось несколько изб, в которых стали жить поселенные здесь крестьяне.

В 1640 и 1643 гг. М.Ф. Стрешнев существенно увеличил собственную территорию, прибрав к рукам ряд окрестных участков, но позже на несколько лет оставил Узкое, будучи назначен на воеводство в далекий сибирский город Верхотурье. В 1657 г. эту вотчину унаследовал один из его сыновей — Григорий Максимович Стрешнев (ум. в 1665 г.), ранее принимавший участие в поисках медной руды в Верхотурском уезде. Вскоре усадебная церковь сгорела от удара молнии. Однако прихожанам удалось спасти значительную часть внутреннего убранства: иконы, богослужебные книги, оловянные (белые) и деревянные сосуды и многое другое. По «отказной книге» это событие произошло в 1665-1666 гг. Как раз в то время Узкое перешло к старшему брату предыдущего

владельца стольнику Якову Максимовичу Стрешневу (ум. в 1686 г.). Видимо, отсутствием у нового вотчинника интереса к Узкому объясняется то, что село около десяти лет оставалось без действующего храма. Новая церковь, все же выстроенная им на месте сгоревшей, была обложена данью только в 1676-1677 гг. Как раз тогда Я.М. Стрешнев был назначен воеводой в город Олонецк.

В 1686 г. Узкое досталось его сыну - окольниковому Дмитрию Яковлевичу Стрешневу. Новый владелец, нуждаясь в деньгах, вскоре расстался с узковской вотчиной, продав ее в начале 1690-х гг. за 5 тысяч рублей - сумму просто фантастическую по тому времени. В роли покупателя Узкого выступил представитель другой ветви фамилии Стрешневых - Тихон Никитич (1649-1719) - суровый и властный боярин, тогда возглавлявший главный орган военного управления в стране - так называемый Разрядный приказ.

«Боярин Тихон Стрешнев был в правлении в Разряде и внутри правления государственного большую часть он дела делал, - отметил его современник, князь Б.И.Куракин. - О характере его можем описать только, что человек лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего, токмо дошел до сего градусу таким образом, понеже был в подьядках у царя Петра Алексеевича с молодых его лет и признался к его нраву, и таким образом, был интригант дворовый.» Б.И.Куракин утверждал, что Петр не любил Т.Н.Стрешнева, хотя и уважал, памятуя о его преданности и об оказанных услугах. Не случайно, что после возвращения царя из-за границы Т.Н.Стрешневу почти единственному из бояр была оставлена борода. Впоследствии он стал губернатором Московской губернии — одного из восьми регионов, на которые была разделена страна.

Т.Н.Стрешнев завещал Узкое своей внучке Софье Ивановне Стрешневой (170?-1739). Но та, к 1719 г. - времени вступления этого документа в силу, оказалась несовершеннолетней. Поэтому вотчиной временно управляла мать новой владелицы - Анна Лукинична Стрешнева, урожденная княжна Долгорукова.

Точная дата появления на свет С.И. Стрешневой не отмечена в родословных. Во всяком случае, своего юридического совершеннолетия она достигла уже к 1723 г., поскольку именно тогда Вотчинная коллегия своим «определением» утвердила за ней другое подмосковное дедовское село Рождествено-Шерапово. В 1726 г. С.И. Стрешнева вышла замуж за морского офицера князя Бориса Васильевича Голицына (1705-1768), а Узкое и другие имения стали ее приданым.

Борис Васильевич Голицын был сыном стольника Василия Борисовича Голицына и его первой жены Анна Алексеевны, урожденной Ржевской. Он рано остался без родителей: мать умерла после его рождения, отец Б.В. Голицына погиб вместе со своей второй женой Екатериной Григорьевной, урожденной Заборовской, когда ему было всего пять лет. 2 августа 1710 г. они были убиты обвалившимся потолком в доме князя Якова Ивановича Кольцова-Моссальского на Мясницкой улице. В 1718 г., т.е в ранней юности Б.И. Голицын поступил на военно-морскую службу. По свидетельству историка князя М.М. Щербатова он «...имел некоторой случай у двора...», что, видимо, способствовало карьере. В 1746 г. Б.В. Голицын был пожалован в первый адмиральский чин обер-цехмейстера (контр-адмирала), а с 1755 г. стал вице-адмиралом и генерал-кригс-комиссаром флота. Одно время он являлся и главным начальником всей артиллерии - генерал-фельдцихмейстером (позже этот пост стал

прерогативой исключительно членов императорской фамилии). В отставку Б.В. Голицын вышел в 1762 г. в чине полного адмирала по болезни. Несмотря на это в 1767 г. калужское дворянство выбрало его своим депутатом в Комиссию для составления нового свода законов — уложения (в Калужском уезде Б.И.Голицыну принадлежало большое имение - село Зеново с деревнями Горяиново, Дмитровка, Кашурки, Сергиевское, Поливаново, Пышково и Шахово). Но вскоре, на одном из первых заседаний, проходивших в Грановитой палате Московского Кремля, Б.В. Голицын «за слабостию здоровья» передал свое депутатство более молодому и энергичному подполковнику князю И.П. Тюфякину.

Документальные сведения о том, каким было Узкое при княгине Софье Ивановне Голицыной минимальны: существовал господский дом, велось хозяйство. В 1739 г. владелица умерла. Тогда Узкое унаследовали ее муж князь Борис Васильевич Голицын и дети (у Голицыных было четыре дочери и пятеро сыновей). Многочисленные источники этого периода зачастую противоречивы. Чаще всего владельцем Узкого они называют только Бориса Васильевича Голицына, реже его упоминают вместе с детьми, в единичном случае в качестве владельцев Узкого упоминаются только дети.

Попробуем разобраться в этом. После смерти С.И. Голицыной согласно тогдашнему законодательству наследство переходило к детям и мужу и делилось между ними в определенных пропорциях. Поскольку все дети были малолетними, то срочный раздел наследства между ними был бессмысленным и в таких случаях обычно не практиковался. Поэтому до достижения совершеннолетия молодыми Голицыными владение Узким и другими имениями было коллективное. По мере того, как некоторые из них создавали свои семьи: женились и входили замуж, они получали

свой кусок из наследства матери, а Узкое всегда оставалось общим владением, которым управлял Б.В. Голицын. Именно поэтому его имя чаще всего встречается в документах той эпохи, связанных с этим именем.

Старшая дочь Голицыных Наталья (1728-1733), умерла в пятилетним ребенком еще при жизни матери, поэтому в число владельцев Узкого никогда не входила. Очевидно, в юности умерла и вторая дочь Голицыных Елена (1734-?), но дата ее кончины не указана в родословных, в силу чего мы не знаем: произошло это до 1739 г. или нет. Следующая дочь, Анна (1730-1811), несомненно, была владелицей Узкого вместе с отцом, братьями и сестрами, но только до 1748 г. Тогда она вышла замуж за гвардейского поручика графа Петра Алексеевича Апраксина (1728-1757). Брак оказался неудачным и Анна в 1757 г. развелась с мужем, вернув свою девичью фамилию и ставший уже несколько сомнительным для нее титул «княжны». Большую роль при этом сыграл «случай» Б.В. Голицына, сумевшего добиться развода дочери. Однако этот долго тянувшееся мероприятие в результате оказалось бессмысленным, т.к. в том же году П.А. Апраксин умер. Историк князь М.М. Щербатов, включивший эту историю в свою знаменитую работу «О повреждении нравов в России», отнесся к новоиспеченной княжне довольно неприязненно: «Я не вхожу в причины, чего ради она оставила своего мужа, который подлинно был человек распутного жития. Но знаю, что развод сей не церковным, но гражданским порядком был сужен. Муж ее, якобы за намерение учинить ей какую обиду в немецком позорище [т.е. театре – М.К.] был посажен под стражу и долго содержался, и, наконец, велено ей было дать ее указную часть из мужня имения при живом муже, а именоват[ь]ся ей по прежнему княжной Голицыною». Эта история, тогда наделала много шуму, поскольку по версии

М.М. Щербатова была всего лишь вторым прецедентом юридически оформленного развода в России.

Старший сын Б.В. и С.И. Голицыных камер-юнкер Михаил Борисович Голицын (1733-1767) к 1756 г. уже не входил в число владельцев Узкого, очевидно, выделившись и получив свою долю из других голицынских владений. Его другая сестра Александра в 1762 г. стала супругой тайного советника и обер-камергера барона Григория Николаевича Строганова (1731-1777) и, как в свое время Анна, получив приданое, потеряла права на Узкое. С того времени Узким, помимо Б.В. Голицына, владели только их братья: Василий (1729-не ранее 1776), Владимир (1731-1798), Алексей (1732-1792) и Иван (1735-1811) Борисовичи Голицыны. Все они стали заслуженными офицерами. Самым высокопоставленным военным из них был Иван Голицын, дослужившийся до звания генерал-поручика.

На время Б.В. Голицына и его детей приходятся значительные работы, проведенные в усадьбе, в т.ч. разбивка регулярного парка (сада) и создание системы террасных прудов. В Узком при них в 1760-х гг. существовал каменный господский дом, возможно сооруженный еще при Т.Н. Стрешневе. С запада территорию парка ограничивала до сих пор поражающая своей грандиозностью цепь террасных прудов, устроенная на безымянном притоке речки Чертановки.

После смерти отца, скончавшегося 12 июля 1768 г. Голицыны, как и раньше, владели Узким вместе. В 1771-1772 гг. между ними произошел раздел, по которому единственным владельцем имения стал Алексей Борисович Голицын, женой которого была молоденькая княжна Анна Егоровна (Георгиевна) Грузинская (1754-1779) – внучка Грузинского и Карталинского царя Вахтанга VI Законодателя и дочь его сына генерал-аншефа и царевича Егора (Георгия) Вахтанговича.

Психологический портрет А.Б. Голицына очень характерен для того полного переломного, полного противоречий времени, когда он жил. С одной стороны — перед нами хорошо образованный человек, проявляющий известную широту взглядов, с другой стороны — почти «хрестоматийный» помещик 2-й половины XVIII в. Военная биография А.Б. Голицына, состоящая из сухих дат, начинается 1 декабря 1742 г. Тогда он был в десятилетнем возрасте определен из «недорослей» в солдаты лейб-гвардии Семеновского полка. 17 марта 1754 г. императрица Елизавета Петровна «...соизволила указать: Семеновского полку сержанта князя Алексея Голицына, когда он и отец того желают, в чужие края ради такой науки отпустить, токмо с тем, чтобы из братьев его младший князь Иван, в корпусе кадетском фурьером обретающийся, для науки во флот записан был». За полгода до того императрица отправила его старших братьев Василия и Владимира, также унтер-офицеров Семеновского полка «...к министрам при чужестранных дворах обретающихся...» в качестве переводчиков. Следует полагать, что и А.Б. Голицына постигла та же участь: несколько лет он прожил в Европе при одном из посольств, а затем вернулся в Россию.

В 1760 г. уже подпоручиком А.Б. Голицын был переведен в генеральс-адъютанты к фельдмаршалу П.С. Салтыкову, с именем которого связаны наиболее крупные успехи русской армии в Семилетней войне с Пруссией. Это событие дало толчок карьере А.Б. Голицына: в 1762 г. он уже являлся командиром Апшеронского пехотного полка, расквартированного в г. Вязьме и ее окрестностях, а впоследствии был произведен в генерал-майоры. В этом звании князь участвовал в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг.

Высокая оценка А.Б. Голицыну, как военному деятелю, дана в воспоминаниях генерала от

инфантерии Г.Э. Шtrandмана: «...самый способный из всех Голицыных, которых я знал и притом один из лучших генералов...». Судя по ним, А.Б. Голицын был храбрым и деятельным командиром, не терявшимся в экстремальных ситуациях. «Так как татары вместе с нашими казаками и гусарами, которых сами казаки тоже привели в беспорядок, летели прямо на левое карре, где мой баталион занимал передний фас, то генерал-майор Алексей Голицын, командовавший 4-мя баталионами, приказал стрелять по неприятелю из ружей и пушек. Татары, не выдержав огня, отступили; это ободрило казаков и гусар, которые повернули назад и пустились преследовать противника», - писал Г.Э. Шtrandман.

После сдачи Перекопа 25 июня 1771 г. А.Б. Голицын, не поладив со своим начальником генерал-аншефом князем В.Д. Долгоруковым вышел в отставку «вследствие неприятностей» и вернулся в Москву. К этому периоду относится попытка приобрести у него и братьев Узкое предпринятое одним из самых незаурядных военачальников XVIII века графом П.И. Паниным. Голицыны сначала соглашавшиеся продать имение, в 1772 г. передумали, очевидно, с переходом его в единоличное пользование А.Б. Голицына, жена которого тогда оказалась беременна...

Панин Петр Иванович (1721-1789), граф, с 1762 г. генерал-аншеф, брат канцлера Н. И. Панина, участник Семилетней (1756-1763) и русско-турецкой (1768-1774) войн, один из лидеров оппозиции правительству, в июле 1774 г., в период наивысших успехов восстания Е. И. Пугачева, императрица была вынуждена назначить П.И. Панина командующим правительственными войсками, действовавшими против восставших. Видимо, приезжал в Узкое осматривать усадьбу, т.к. собирался ее купить в ли

Благодаря А.Б. Голицыну усадьба была реконструирована и заново обстроена с сохранением уже имевшихся планировочных основ. Прежний каменный господский дом был разобран, на его месте выстроили большое деревянное здание, в своей основе сохранившееся до наших дней. Также были сооружены новые хозяйственные и служебные постройки: Большие оранжереи, кухонный флигель, кузница, огромный конный двор, псарня, а также небольшое здание на берегу Круглого пруда. Точные даты проводившихся в имении строительных работ неизвестны, однако стилистические особенности зданий, частично сохранивших изначальную стилистику, позволяют отнести их создание к 1770-м гг.

Судя по семейной переписке Голицыных, у А.Б. Голицына всегда были самые теплые и дружественные отношения с родными и двоюродными братьями и сестрами. Он отличался гостеприимством: родственники всегда были желанными гостями и получали необходимую помощь. Зафиксированы приезды в Узкое одного из старших братьев владельца - отставного бригадира Владимира Борисовича Голицына. Он посещал усадьбу вместе с женой Натальей Петровной, урожденной графиней Чернышевой (1741-1837), ставшей прообразом – пушкинской «Пиковой дамы» (это нетрадиционное прозвище было дано ей потому, что с возрастом на ее лице появились заметные «усы»).

Владимир Борисович Голицын и Наталья Петровна Чернышева поженились в 1766г., князь вышел в отставку в конце 1769 г., в Подмосковье ему принадлежали усадьба Рождествено-Шерапово (с 1768 г. по разделу с братьями) и пригородная усадьба, находившаяся на современной территории Нескучного сада (видимо, это бывший загородный двор Т.Н.

Стрешнева). Его жена, Н.П. Голицына, была владелицей Комарицкой волости на Брянщине, впоследствии она унаследовала Городню – калужское имение своей матери.

В.Б. и Н.П. Голицыны дважды побывали в Узком в сентябре 1778 г. «В Москве я остановилась на 4 дня, дабы починить экипажи, за это время я побывала с визитами в некоторых домах и повидалась с родственниками: потому что свой дом мы сдавали, то остановилась я у моей невестки графини [А.Б.]Апраксиной, а на пути из Москвы я заехала в имение брата мужа князя Алексея, которое называлось Уское и располагалось в 17 верстах от города, переночевав у него, я направилась в имение Матушки...», - писала Н.П. Голицына. На обратном пути во время возвращения в Москву из усадьбы Городня в Калужской губернии, погода, ухудшившаяся по мере приближения к городу, заставила В.Б и Н.П. Голицыных еще раз «провести ночь в имении деверя, князя Алексея, который как раз находился в Уском».

В конце 1770-х гг. А.Б. Голицын опять жил за границей, в частности в Швейцарии, где в поисках нравственного совершенствования свел знакомство с популярным философом - мистиком того времени Л.К. Сен-Мартеном. Принятый в орден вольных каменщиков - масонов, князь стал одним из ревностных адептов этого движения. В России последователей Сен-Мартена называли по его имени мартинистами, что стало обозначением масонских лож так называемой «Берлинской» системы, формально руководимых из Берлина (с 1786 г. они стали единственными). Мартинистам покровительствовал Московский главнокомандующий фельдмаршал граф З.Г. Чернышев. В 1784 г. он был заменен генерал-аншефом князем А.А. Прозоровским, по наущению царицы устроившим гонения на масонов, попытавшихся установить контакты с наследником престола великим князем Павлом

Петровичем, будущим императором Павлом I.

Как раз в то время «первый русский мартинист» Алексей Голицын сыграл значительную роль в общественной жизни города. Еще в 1783 г. он стал одним из учредителей Московского (позже Российского) благородного собрания или, по первоначальному, клуба. Для его размещения А.Б.Голицын приобрел на свое имя дом тайного советника князя М.В. Долгорукова, находившийся на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда. Это была вынужденная мера, поскольку клуб тогда еще не имел прав юридического лица. Между 1784 и 1787 гг. это здание и службы были перестроены архитектором М.Ф. Казаковым, создавшим здесь свой знаменитый «колонный зал». Для воплощения этого проекта А.Б. Голицын и второй директор клуба Н.И. Маслов заложили Узкое и другие собственные имения в Московской дворянской опеке (опекунском совете). Таким образом, роскошный интерьер одного из лучших зданий города в известной степени обязан своим появлением хозяину рассматриваемой нами усадьбы. Дворяне Московского уезда, по достоинству оценив заслуги А.Б. Голицына, на ближайших выборах 1785 г. сделали его своим предводителем. Это позволяет предположить, что круг посетителей Узкого в этот период расширился.

После внезапной смерти князя 9 ноября 1792 г., Узкое унаследовал его сын поручик лейб-гвардии Семеновского полка Егор Алексеевич Голицын (1773-1811), определенный Екатериной II в качестве камергера «ранга бригадирского» ко двору великого князя Александра Павловича, будущего Александра I, и его невесты Елизаветы Алексеевны. Поскольку Узкому и другому имуществу Е.А. Голицына и его сестер угрожала опасность быть проданным с аукциона для погашения отцовских долгов Государственному заемному банку и ряду «партикулярных» лиц, в том числе дочерям графа

М.В. Дмитриева-Мамонова (им одним причиталось 10 тысяч рублей) императрица распорядилась на время передать его в ведение дворянской опеки. Непосредственно опекунами были назначены их ближайшие родственники — родной и двоюродный братья отца — бригадиры Владимир Борисович и Николай Михайлович Голицыны, а также генерал-майор Николай Яковлевич Аршеневский, при Павле I занимавший пост Астраханского губернатора.

Голицын Николай Михайлович (1729-не ранее 1799), бригадир, в 1785-1788 гг. звенигородский уездный предводитель дворянства, владелец подмосковной усадьбы Большие Вяземы и деревень, входивших в состав Вяземской вотчины

Аршеневский Николай Яковлевич (1748-1802), в 1774 г. командир 23-й легкой полевой команды, которая вела карательные военные операции против отрядов Е.И. Пугачева и захватила Салавата Юлаева, в 1786-1790 гг. - смоленский губернатор, в 1797 г. ему был пожалован чин тайного советника, в 1797-1798 гг. астраханский губернатор. Н.А.Аршеневский был владельцем подмосковной усадьбы Покровское (впоследствии Белая дача), находящейся недалеко от Люберец (ныне ее занимает ЗАО «Агрофирма «Белая Дача»).

Опекунам пришлось долго вникать в текущие хозяйственные дела по имениям Егора Голицына. Прежде всего, пришлось подыскать новое лицо, которому вверили управление Узким. «Балакиреву же я приказал смотреть за псами и собаками, находящимися как в селе Акулове [другом подмосковном имении Е.А.Голицына — М.К.], так и Уском, где он от нас определен приказчиком, но не знаю каков он еще в своей должности будет...», — писал Н.М.Голицын 10 января 1793 г. В.Б.Голицыну. Тогда в

Уском еще содержалась псовая охота, вскоре упраздненная — четырнадцать борзых собак и пять их щенков. Всеми ими ведали четыре крепостных псаря.

После завершения Польской кампании Е.А.Голицын, приехал в Москву, удостоенный награды якобы за усердную службу и мужество при штурме укрепленного Варшавского предместья Праги, хотя он не участвовал в этом бою и вообще не видел ни одного вражеского солдата, даже пленного. О его возвращении Н.М.Голицын счел необходимым поставить в известность В.Б.Голицына, сообщив ему в письме от 29 февраля 1795 г. следующее: «князь Егор Алексеевич, будучи здесь, два раза был в Уском и один раз в Акулове; строение ему в Уском отцово полюбилось и все положение места и он сделал мысленно различные прожекты, как бы насадить сад и протчим украшениям...».

При Павле I Е.А.Голицын, ставший шталмейстером, попал в опалу и 8 ноября 1796 г. Павел был выслан в Москву. Со временем Е.А.Голицына вернули в Петербург, однако 3 апреля 1798 г. князь уволился со службы при дворе великого князя Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны и остаток жизни прожил в свое удовольствие. В этот период за Е.А.Голицыным числится по крайней мере одна крупная заслуга перед отечественным искусством. Когда в 1809 г. Ф.П.Толстого избрали в почетные члены Академии художеств, и он решил стать профессиональным художником - случай невиданный в дворянской среде, Е.А.Голицыну удалось убедить многочисленных родственников Ф.П.Толстого не препятствовать его намерению.

Былой любимец высшего света, Е.А.Голицын скончался в Москве 21 декабря 1811 г. холостым, не оставив потомков. «Он умер... от истощения физических и моральных сил, - писал Ф.П.Толстой. -

Этот молодой человек погиб от модного воспитания, к которому ему давало средства его богатство. Будь он иначе воспитан и как следует образован, он бы мог быть полезным человеком, будучи от природы неглуп и со способностями, и прожил бы гораздо долее».

Имена Е.А.Голицына унаследовали его сестры: графиня Мария Алексеевна Толстая (1772-1826), графиня Софья Алексеевна де Сент При (1776-1815) и графиня Елизавета Алексеевна Остерман-Толстая (1779-1835), уже давно нашедшие себе мужей среди молодых блестящих гвардейцев, которыми были так богаты екатерининское и павловское царствования. Однако до Отечественной войны 1812 г. крестьяне села Узкого и деревни Нижние Теплые Станы не знали, чьей собственностью они оказались после смерти Е.А. Голицына, т.к. новые помещицы не удосужились известить об этом местных жителей. Имя Е.А. Голицына в качестве владельца обоих населенных пунктов значится еще в составленной в 1813 г. «Ведомости, учиненной в Московском земском суде о владельческих селениях с показанием претерпенных ими от нашествия неприятеля разорении» по Московскому уезду. В ней отмечено, что в этом имении «Отнято неприятелем хлеба 2500 четвертей, сена 4700 пудов, лошадей 28, коров 30, баранов, овец 90, разграблена церковь, господский дом, имущество дворовых людей и крестьян, хлеб и весь скот, всего на сумму 124877 рублей». Как видим нанесенный французами ущерб был грандиозным, однако вполне логично предположить, что пострадавшие крестьяне могли довершить разграбление, пользуясь отсутствием владельцев.

Достаточно скоро после войны наследницы Е.А. Голицына разделили между собой его имения. Узкое досталось старшей из них М.А. Толстой, впоследствии увековеченной А.С. Грибоедовым в качестве «княгини Марьи Алексевны». Не будучи красавицей, Мария Алексеевна Толстая, по

свидетельству историка П.Ф. Карабанова, имела «... ум оригинальный с необыкновенными странностями», искупавший недостатки внешности. Имя М.А. Толстой запомнилось и в Узком. Находящаяся за прудами западная часть имения до сих пор носит название Марьиной роща.

Муж владелицы Узкого граф Петр Александрович Толстой во время Отечественной войны возглавлял один из трех округов ополчения, на которые была тогда разделена страна Низовой округ, центр которого находился в Нижнем Новгороде, куда в то время съехалась вся московская знать, бежавшая от неприятеля. В 1813 г. отряды, возглавляемые П.А. Толстым, выступили в поход и приняли участие в боевых действиях. После возвращения на родину, уже генералом от инфантерии граф в 1816 г. был назначен командующим 5-м пехотным корпусом, расквартированным в Москве и ее окрестностях. А рядом с местом новой службы оказалось такое великолепное место для приложения своих сельскохозяйственных навыков, как большое имение жены — Узкое, ставшее её единоличной собственностью. Оранжерейное хозяйство было приумножено и стало вестись, что называется, на широкую ногу. Появились новые хорошо оборудованные теплицы и оранжереи.

В московском доме Толстых, находившемся в Леонтьевском переулке, сформировался кружок из лиц, осознавших необходимость развития земледелия и сельского хозяйства как основы народного благосостояния, от которого, в конечном счете, зависит и судьба страны. Кружок культурных помещиков, тесно связанный с военной и гражданской администрациями города, «легализовался» в 1820 г. в виде Императорского Московского общества сельского хозяйства — тогда единственной организации такого рода на всю Россию. П.А. Толстой стал его вице-президентом. Его соседями по подмосковному имению оказались не менее деятельные члены общества сельского хозяйства князь

С.И. Гагарин (Ясенево), генерал-майор А.И. Герард (Большое Голубино), полковник князь Н.С. Меншиков (Черемушки-Знаменское) и коллежский асессор А.А. Бекетов (Зюзино-Борисоглебское). Их труды обусловили экономический подъем в этой части Подмосковья.

После смерти жены, скончавшейся 25 декабря 1826 г., П.А. Толстой унаследовал Узкое вместе с сыном Иваном (1811-1852) и дочерьми Софьей (1800-1886), в замужестве графиня Апраксиной, Анной (1802-1883), в замужестве Бахметевой и Александрой (1804-1858), в замужестве графиня Мордвиновой. Несмотря на общность владения именем, хозяйством в нем, как и раньше, занимался П.А.Толстой, что дало повод А.С.Пушкину иронически назвать его «Толстой-Узкой», выделив этим из многочисленных представителей разветвленного рода Толстых, живших в то время. Даже переехав в Петербург (сразу же после восстания декабристов П.А.Толстой сразу же возглавил комитет, определявший степень каждого из них, а затем получил ряд других ответственных назначений) он периодически присылал в усадьбу свои распоряжения, а то и редкие растения. Поскольку хозяйство в Узком было достаточно большим, в усадьбе постоянно проводились небольшие ремонтно-строительные работы, в ходе которых приводились в порядок построенные ранее сооружения.

После того как Узкое вместе с московским домом в Леонтьевском переулке перешло в полную собственность П.А.Толстого по разделу с детьми, состоявшемуся в 1836 г., масштаб строительства в усадьбе увеличился. Издаваемый историком М.П.Погодиным журнал «Москвитянин» отмечал, что в тот период П.А.Толстой вел размеренный и спокойный образ жизни: «Лето проводил обыкновенно в подмосковной, в своем Уском [т.е. Узком – М.К.], посреди сельских работ и занятий, напоминая самую простоту своей жизни что-то древнее. Досуги свои он посвящал семейству и тем, с которыми

любил беседовать». Лицейский товарищ Пушкина М.А.Корф со своей стороны также свидетельствовал, что: «Последние годы своей жизни Толстой проводил опять постоянно в Москве или в подмосковном своем имении Узком, имев позволение не приезжать в Петербург и заниматься страстно цветами — единственной вещью в мире, которую он не считал «плевым делом».

Граф не оставил и деятельность в обществе сельского хозяйства. По текущим делам к нему в Узкое неоднократно наведывался экономист С.А. Маслов, бывший секретарем этой организации. «Издание журнала и сношения общества внутри и вне России, возложенные на непременно секретаря, обязывали меня докладывать графу П[етру] А[лександровичу] о предметах переписки общества, как официальной, с Министерством государственных имуществ, так и частной, а потому я нередко приезжал к нему в его подмосковное село Уское и имел утешение видеть, как он принимал к сердцу все относящееся до чести общества и пользы общественной», — писал позднее С.А. Маслов. Однако возраст Толстого все больше давал о себе знать. Уже в 1843 г. его здоровье было неважным. «Все прошлое лето граф чувствовал в себе какую-то слабость, неловкость, но каждый день и во всякую погоду ходил в свои богатые оранжереи, занимался садом и опытами с посевом новых растений, присылаемых ему, как охотнику, от прежних сослуживцев», — вспоминал тот же С.А. Маслов. Гордость не позволила П.А. Толстому отказаться от избрания в президенты общества сельского хозяйства после смерти Д.В. Голицына. Но силы его уже были на исходе. Граф скоропостижно скончался 28 сентября 1844 г. в своем московском доме. В тот день он, по свидетельству С.А. Маслова, собирался съездить в Узкое, для того: «... чтобы посмотреть, как поставили в оранжереи и простенки растения и подышать дней пять свежим воздухом. — Не

задерживайтесь, граф, в деревне, сказал я ему, уже время позднее, осеннее, да и нам без вас скучно. — Нет, брат, я скоро возвращусь, а там начнем и наши заседания. Провожая, он взял меня за руку и сердечной доброю сказал: «Прощай, брат Степан Алексеевич, до свидания». — Можете себе представить, как поразило меня, случайно долетевшее на другой день известие, что гр[аф] П[етр] А[лександрович] скончался; я не верил слуху, пошел в дом графа, и нашел его на столе, спокойно сомкнувшего глаза навеки». На похоронах крестьяне села Узкого по собственной инициативе несли гроб с телом своего барина от его московской приходской церкви Николая в Хлынове до Донского монастыря, где он нашел последнее пристанище, рядом со своей женой (в настоящее время памятник на их могилах не существует).

Наследниками П.А. Толстого стали сыновья: Алексей (1798-1864), Александр (1801-1873), Егор (Георгий, 1803-1874), Владимир (1805-1875) и Иван, который счел благоразумным тут же отказаться от наследства за себя и за своих потомков в пользу остальных братьев. 13 июня 1845 г. братья Толстые юридически оформили раздел отцовского имущества. По нему единственным хозяином Узкого стал Владимир Толстой — тогда еще полковник лейб-гвардии Уланского полка, ранее, очевидно, по протекции отца, бывший одним из адъютантов московского генерал-губернатора Д.В. Голицына: «я, граф Владимир Толстой, беру себе имение Московской губернии и уезда село Богородское Узское [так в тексте — М.К.]тож с деревнею [Нижние] Теплые Станы в коих по восьмой ревизии дворовых восемнадцать, крестьян восемьдесят итого девяносто восемь мужеска пола душ с женами их, и с рожденными после восьмой ревизии обоого пола детьми, и со всем[и] их семействами, со всеми господскими и крестьянскими строениями, заведениями, разного рода пахотными землями,

лесом, санными покосами и со всеми угодьями, что значатся по плану генерального земель размежевания, а равно и отхожими пустошами, принадлежащими к оному имению...». По условиям раздела В.П.Толстой должен был заплатить Алексею и Егору Петровичам Толстым в общей сложности 34285 рублей 72 копейки. (В пользу последнего отказался от своей доли брат Александр.) Чтобы добыть эту достаточно большую по тем временам сумму, новый помещик был вынужден заложить Узкое в Московской сохранной казне и из денег, вырученных за него, заплатить остальным наследникам. Лишь более чем через двадцать лет он смог выкупить имение из заклада.

Как явствует из многочисленных хозяйственных документов, в Узком во время его перехода к В.П. Толстому, впоследствии ставшему генерал-майором, существовало хорошо развитое оранжерейное хозяйство, приносившее значительные доходы. В прудах разводили рыбу. В многочисленных оранжереях выращивались ананасы, персики и абрикосы, а также другие культуры, экзотические для средней полосы России. Много редких растений росло на открытом воздухе. Имелся вишневый сад. В господском доме было много мебели красного дерева. По стенам висели картины и портреты, очевидно, фамильные.

На время своих длительных отлучек из Москвы В.П. Толстой оставлял за себя статского советника Ивана Михайловича Ираклионова. Он жил в северном флигеле усадьбы со своею женой Натальей Петровной, а «средний дом», т.е. господский, пустовал в ожидании хозяина. Управляющий А.А. Гневывшев и приказчик В. Воробьев переподчинялись И.М. Ираклионову, что, тем не менее, не снимало с них обязанностей периодически писать донесения владельцу. А.А. Гневывшев каждую неделю ездил в Узкое для осмотра имения. «Как было при покойном батюшке, так и теперь, никаких

растений и вещей из узкого никому не отпускать, без моего на то приказания, в противном случае с тебя взыщется», — так напутствовал В.П. Толстой своего приказчика 25 мая 1849 г. перед отъездом из города на юг.

В следующем году по распоряжению владельца в его имении было сокращено количество оранжерей до одной, той самой, что существует и в настоящее время (ранее их было более десятка.) Вероятно, оранжереи стали приносить меньше дохода, и для того, чтобы увеличить прибыль, ими нужно было заниматься, на что у В.П. Толстого тогда не хватало времени. Поэтому было принято кардинальное решение разобрать обветшавшие строения. Вскоре аналогичная судьба постигла оранжерейное хозяйство многих подмосковных имений, поскольку строительство железных дорог, связавших город с южными губерниями страны, сделало привозные цветы, фрукты и овощи более дешевыми, нежели выращиваемые в Подмосковье.

После смерти В.П. Толстого, скончавшегося 8 февраля 1875 г., Узкое унаследовали его ближайшие родственники жена С.В. Толстая и любимая племянница графиня Мария Егоровна Орлова-Давыдова, урожденная графиня Толстая (1842—1895).

М.Е. Орлова-Давыдова, урожденная графиня Толстая – дочь графа Егора Петровича Толстого, бывшего одним из владельцев Узкого в 1844-1845 гг., и его жены - Варвары Петровны, урожденной княжны Трубецкой, замужем за графом Анатолием Владимировичем Орловым-Давыдовым (1837-1905), обер-шталмейстером и генерал-лейтенантом, владельцем знаменитой подмосковной усадьбы Семеновское-Отрада (Серпуховский уезд). «Громадные бриллианты в ушах, турнюр и неуменье держать себя. Миллионерша. К таким особам

испытываешь глупое семинарское чувство, когда хочется сгрубить зря», - вспоминал о М.Е. Орловой-Давыдовой А.П. Чехов.

По разделу наследства между ними, состоявшемуся ориентировочно в 1878-1879 гг. единоличной владелицей Узкого стала С.В. Толстая. В свою очередь в апреле 1883 г. она передала Узкое своему племяннику и воспитаннику князю Петру Николаевичу Трубецкому (1858-1911). Официально оно было передано по купчей крепости. Однако это была лишь формальность, что подтверждает сумма, указанная в документе: такое большое имение общей площадью 214 десятин с господским домом, флигелями и большими и многочисленными хозяйственными постройками было оценено всего в 3 тысячи 500 рублей.

Новый хозяин Узкого П.Н. Трубецкой был типичным русским баринем, любившим хорошо поесть и весело пожить, ценителем породистых лошадей и шикарных женщин. На протяжении многих лет он последовательно занимал ответственные выборные должности, сперва Московского уездного, а затем губернского (по 1906 г.) предводителя дворянства. Во время первой русской революции князь стал одним из основателей Союза русских людей — тогда чуть ли не единственной черносотенной организации в России.

П.Н. Трубецкой был женат на княжне Александре Владимировне Оболенской (1861-1939) — дама красивой и властной. По мере роста семьи владельцу Узкого пришлось принять меры к перестройке обветшавшего господского дома в своей усадьбе. Усадебный парк, переходящий в лиственный лес, также подвергся реконструкции. По инициативе супруги владельца имения там был проложен ряд новых дорожек с лавочками. На окраине Марьиной роши, на берегу пруда, была

сооружена «Марьева избушка», выполнявшая функции паркового павильона. Подъезды к усадьбе со стороны Калужской дороги и соседнего имения Ясенево, тогда принадлежавшего М.С. Бутурлиной, были обсажены лиственницами (аллея на Ясенево не сохранилась). В старинном московском доме этой помещицы, унаследованном ее сыновьями (ул. Знаменка, ныне д. 12/2), до 1906 г. находилась московская квартира П.Н. и А.В. Трубецких и главная контора, управлявшая их имениями, в т.ч. Узким.

В летние месяцы в усадьбу съезжались многочисленные друзья и родственники Трубецких. В конце лета — начале осени они обычно отправлялись в одно из южных имений П.Н. Трубецкого, обычно Казацкое (Херсонской губернии и уезда), где был большой конный завод и многочисленные виноградники, урожай с которых служил сырьем для великолепных вин, изготавливаемых по рецептам князя, возглавлявшего комитет виноделия Императорского Московского общества сельского хозяйства. Из Казацкого в Узкое специально доставляли диких необъезженных лошадей, которыми владелец любил сам управлять, катаясь в экипаже. По этому в Узком был сооружен «красиво выстроенный» новый большой конный двор, не сохранившийся до настоящего времени.

Летом 1895 г. в Узком жил единокровный брат владельца имения (от второго брака их отца) князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862-1905) вместе с женой Прасковьей Владимировной, урожденной княжной Оболенской (1860-1914) и детьми. Он, тонкий интеллигент, мыслитель и ученый составлял почти полную противоположность владельцу имения. Однако их сближало своеобразное двойное родство: их супруги вопреки церковным канонам приходились друг другу родными сестрами. Поэтому в свое время для совершения обряда бракосочетания С.Н. Трубецкого

был приглашен не обычный приходской священник, а военный, менее зависимый от духовного начальства; крупная денежная сумма быстро успокоила его совесть.

О том, каким было Узкое в 1895 г. мы знаем из воспоминаний врача Г.Н. Сперанского, бывший тогда учителем старшего сына П.Н. и А.В. Трубецких Владимира (1885-1954):

Сперанский Георгий Несторович (1873—1969) — педиатр, впоследствии член-корреспондент Академии наук и академик Академии медицинских наук, в 1895 г., будучи студентом Московского университета, жил летом в Узком в качестве репетитора старшего сына владельца имения П.Н. Трубецкого Владимира, отдыхал в Узком в советское время автор воспоминаний об этой усадьбе.

«Внешний вид дома был таким же, что и теперь, но только не было верхних галерей, соединяющих центральный дом с флигелями, - писал Г.Н. Сперанский. Так называемый теперь «северный корпус» был занят комнатами, главным образом для педагогического персонала, которого было довольно много, так как в семье владельца имения было четверо детей – две девочки и два мальчика. Кроме того, летом там жил сводный брат П[етра] Н[иколаевича] Сергей Николаевич Трубецкой [приват-]доцент Московского университета, а затем профессор философии и ректор Университета, очень образованный, на редкость симпатичный человек, большой друг философа Владимира [Сергеевича] Соловьева. У С.Н.Трубецкого было двое детей [в действительности трое – М.К.], кроме того, летом приезжали их родственники и тоже с детьми. Таким образом, детей в Узком было много и у всех были гувернантки, русские, немки, француженки, бонны; был врач А.В.Власов с женой, которые летом тоже жили в Узком. Оба этажа теперешнего «северного корпуса» [здесь и далее

Г.Н.Сперанский под корпусами подразумевал флигеля] были заняты всем этим персоналом. Мне была отведена комната в нижнем этаже...

Бросалось в глаза большое количество цветов на клумбах, на всех балконах. Был зимний сад с пальмами, помещавшийся в закруглении столовой, отделявшийся несколько от последней выступами на противоположных стенах. [...] Тогда во всю длину столовой от зимнего сада до входа стоял большой стол, за которым сидели во время еды все члены семьи Трубецких, дети, гости и учительский персонал. Кушания подавали два лакея во фраках. Кухня помещалась там же, где и теперь. Верхний этаж центрального дома был занят хозяевами, их родственниками и детьми. [...] Гости жили в верхнем этаже «южного корпуса». В нижнем этаже центрального дома рядом со столовой, где теперь библиотека, помещалась диванная, где сидели, отдыхали, беседовали, курили хозяева и гости. Зал остался, конечно, таким же, как был, кроме мебели, там, где сейчас, как и прежде, камин, была вторая гостиная...»

По свидетельству Г.Н. Сперанского летом 1895 г. в Узкое приезжал двоюродный брат П.Н. Трубецкого скульптор князь Паоло (Павел Петрович) Трубецкой (1866-1938). Владелец имения привечал своего итальянского родственника, прибывшего в Россию работать и преподавать, и на первых порах оказывал ему покровительство, вскоре ставшее ненужным.

Паоло Трубецкой в 1898-1899 гг. жил в Москве, где свел знакомство чуть ли не со всеми известными художниками, писателями, поэтами. Этот период характеризовался его огромной творческой активностью. На XVIII-й периодической выставке картин Московского общества любителей искусств, организованной в Историческом музее на Красной площади, П.П.

Трубецкой выставил 15 работ, большинство из которых выполнил в Москве. Может быть, именно в Узком у Паоло Трубецкого возникла идея его известного произведения «Дети Трубецкие», запечатлевшего сыновей С.Н. и П.В. Трубецких — Николая (1890-1938) и Владимира (1891-1937), сидящих в свободных позах на небольшой парковой скамейке. Живописная трактовка формы с богатой игрой светотени придает их фигурам естественность и убедительность. Это одна из самых поэтичных скульптур конца девятнадцатого столетия. Сразу после своего завершения, в 1900 г., она экспонировалась на выставках — в Петербурге, устроенной художественным объединением «Мир искусства», и в Париже. Затем скульптура вернулась в Россию и заняла место в большой гостиной Узкого (ныне находится в Государственном Русском музее).

В следующий раз С.Н. Трубецкой приехал с семьей в Узкое на лето только в 1900 г. Тогда он пригласил В.С. Соловьева приехать к нему в усадьбу 15 июля для того, чтобы отпраздновать именины. Однако предполагавшегося торжества не получилось, так как В.С. Соловьев, еще в Москве почувствовал себя тяжело больным, но неосознанное предчувствие смерти гнало его в дорогу. Помимо извозчика единственным спутником В.С. Соловьева на этом гибельном для него пути оказался родственник Трубецких Н.В. Давыдов, тогда бывший председателем Московского окружного суда.

Давыдов Николай Васильевич (1838—1920) - юрист, писатель (литературный псевдоним - Г.Василич), председатель Московского литературно-театрального комитета и Гоголевской комиссии Общества любителей российской словесности (с 1907 г.). Его жена, Екатерина Павловна, урожденная Евреинова,

была двоюродной сестрой княгинь А.В. и П.В. Трубецких

Они добрались до Узкого лишь поздно вечером. В.С. Соловьев оказался настолько слабым, что не смог самостоятельно выйти из экипажа. Его внесли в дом и уложили на диван в ближайшем свободном помещении, которым оказался находившийся на первом этаже большой кабинет владельца имения. Понемногу В.С. Соловьеву стало лучше и он, не вставая, долго беседовал с С.Н. Трубецким о своей последней работе — письме в редакцию журнала «Вестник Европы». На другой день, приехавший в Узкое врач А.Н. Бернштейн, нашел состояние В.С. Соловьева очень серьезным. Да и сам В.С. Соловьев в тот же день стал говорить окружающим о своей скорой смерти, предчувствуя ее близость. 18 июля он исповедался и причастился у местного священника С.А. Беяева и к вечеру впал в забытие.

После публикации в газете «Московские ведомости» о местонахождении В.С. Соловьева в Узкое стали приезжать его родственники, друзья и почитатели. Посетил Узкое и Г.Н. Сперанский, которого вызвала А.В. Трубецкая, ошибочно предположившая у В.С. Соловьева туберкулезный менингит — болезнь, которую лучше знают детские врачи. Философ по большей части находился в забытии, бредил, но иногда приходил в себя и узнавал окружающих. Двоюродная сестра А.В. и П.В. Трубецких А.М. Панютина, одна из тех, кто ухаживал за безнадежным больным, вспоминала, что он пророчески призывал молиться за евреев, которых «...ждут ужасные гонения».

Панютина Аграфена Михайловна, урожденная княжна Оболенская (1860-1934) — двоюродная сестра и близкая подруга княгинь А.В. и П.В. Трубецких, знакомая В.С. Соловьева с 1889 г. Ее муж Фёдор Павлович Панютин (1858-1886) был убит на дуэли через шесть месяцев

после их свадьбы. После 1917 г. в эмиграции, умерла во Франции, похоронена на городском кладбище в Кламаре.

Конец наступил вечером 31 июля. В.С. Соловьев скончался после агонии, продолжавшейся около дня. Последними его словами были: «Трудна работа Господня». Свидетелями последних минут жизни философа были приехавшие в Узкое его мать П.В. Соловьева и одна из сестер — Надежда, С.Н. и П.В. Трубецкие, А.М. Панютина и доктор А.В. Власов. 1 августа было произведено вскрытие тела. По его результатам приехавшие врачи констатировали смерть от болезни почек — уремии. Затем гроб с останками В.С. Соловьева был перенесен в церковь Казанской иконы Божьей матери, а утром 3 августа после литургии был поставлен на катафалк и отправлен в Москву, где погребен на старом кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с могилой отца философа историка С.М. Соловьева.

Интерьер кабинета, в котором прошли последние дни В.С. Соловьева, дополненный лишь табличкой с надписью о том, что здесь произошло, без существенных изменений просуществовал, по крайней мере, до Октябрьского переворота, став местом паломничества его почитателей.

Владелец Узкого П.Н. Трубецкому оказалось не суждено дожить до этих событий. 4 октября 1911 г. он был убит одним из собственных племянников Владимиром Григорьевичем Кристи (1882-1946), местом рождения которого в свое время было все то же Узкое. Трагедия произошла в Новочеркасске, куда съехались семьи Трубецких и Кристи. В тот день происходила торжественная церемония перенесения праха донских военных деятелей, среди которых был их предок граф В.В. Орлов-Денисов, в усыпальницу только что завершеного войскового собора. Выстояв скучную траурную церемонию, П.Н. Трубецкой решил развлечься. Вместе с женой своего племянника

красавицей-блондинкой Марией Александровной Кристи, урожденной Михалковой (1883-1966), он отправился кататься на автомобиле. Пара прибыла на вокзал и удобно устроилась в личном вагоне князя. Проводник был отослан за кофе и коньяком. Перед самым его возвращением в вагон ворвался разъяренный муж, долгое время безуспешно разыскивавший свою половину, не говоря ни слова вынул браунинг, и ряд прекрасных имений, в том числе и Узкое, в один миг лишились своего хозяина. Дама попыталась помочь упавшему, но было уже поздно. П.Н. Трубецкой скончался у нее на руках через несколько секунд после выстрела, не дожив до своего пятидесятитрехлетнего юбилея, шумное празднование которого планировалось на следующий день. «Сумасшедший муж мой убил князя!» — сказала блондинка вбежавшему в вагон проводнику.

Трагедия в Новочеркасске вызвала широчайший общественный резонанс, фигуры такого ранга и положения, как П.Н. Трубецкой, как правило, не часто гибнут из-за романов с чужими женами, а, учитывая родственные связи, эта история выглядела особенно неприглядно. Поэтому чтобы не допустить обнародования нежелательных подробностей, А.В. Трубецкая ходатайствовала перед Николаем II о прекращении начавшегося было следствия. Император внял ее просьбе, воспользовавшись своим старинным самодержавным правом высылки провинившихся дворян в свои усадьбы с запрещением права выезда. В.Г. Кристи, выпущенному на свободу под денежный залог, внесенный его матерью, было предписано не покидать имения Замчежье, находившегося в Кишиневском уезде Бессарабской губернии. По официальной версии, убийство было им совершено в состоянии «умоизступления».

Вскоре после похорон П.Н. Трубецкого, состоявшихся в московском Донском монастыре, его

вдова позаботилась о своих имущественных правах. Сделать это оказалось несложно, так как дела покойного находились в порядке. Поскольку все завещания князя были составлены в пользу А.В. Трубецкой, то она очень быстро добилась утверждения в правах наследования и ввода во владение огромными имениями мужа, в том числе Узким.

Ведением в них хозяйства управлял старший сын княгини — Владимир Петрович Трубецкой, в детстве бывший учеником Г.Н. Сперанского. После гибели отца он подал прошение об отставке «по болезни» из лейб-гвардии Казачьего полка и взял двухмесячный отпуск для устройства неотложных дел. Увольнение из армии дало возможность В.П. Трубецкому попробовать свои силы и на ниве местного самоуправления. В 1912 г. князь был избран «бесплатным» членом Московской уездной земской управы на трехлетний срок, а с 1914 г. одновременно занял и другую выборную должность — пост почетного мирового судьи по Московскому уезду.

Несмотря на волну погромов помещичьих усадеб, прокатившуюся по стране после Февральской революции, В.П. Трубецкой с семьей и его мать не побоялись приехать на лето 1917 г. в Узкое. Вместе с ними там жила одна из сестер В.П. Трубецкого — Александра Петровна Тимашева (1894-1953) вместе со своим тогдашним мужем. Обстановка вокруг уже была достаточно беспокойной: как-то местные крестьяне, навестив своих бывших господ, конфисковали у них почти все имеющееся оружие. После Октябрьских боев в Москве Трубецкие и Тимашевы в не сезон уехали на курорт Эссентуки, навсегда покинув Узкое. Один из усадебных садовников, П.В. Горохов - «крестник» другой сестры В.П. Трубецкого графини Софьи Петровны Ламсдорф-Галаган (1887-1971) —

вспоминал, что перед отъездом князь собрал крестьян и сказал, чтобы они разобрали по домам скот, но господского дома не трогали, «... так как он им самим пригодится».

Согласно документам, большую часть обстановки вывезли из Узкого во время Гражданской войны волостные совдепы. Однако, основная часть библиотеки, составлявшая около 15 тысяч книг, и часть других предметов все же остались в усадьбе. Эмиссар Музейного отдела Наркомпроса В.А. Мамуровский, обследовавший Узкое, для вывоза в Москву отобрал лишь часть книг, два ящика с которыми были переданы Румянцевскому музею (ныне в составе фондов Российской Государственной библиотеки).

В 1919-1920 гг. в Узком находились детский санаторий, организованный отделом здравоохранения губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов и совхоз. 15 апреля 1921 г. хозяйственные постройки вместе с земельными угодьями были переданы Луговому опорному пункту, вскоре преобразованному в рассадник кормовых трав (впоследствии Опытное поле по кормовому вопросу). По результатам работы этой организации, занимавшейся постановкой и проведением сельскохозяйственных экспериментов, было издано четыре тома научных трудов. В одном из них описаны проблемы, с которыми столкнулись организаторы пункта, поскольку имение «...так сильно пострадало за первые годы революции, что к моменту организации рассадника не имело налаженного рабочего аппарата, полевые земли были запущены, сельскохозяйственный инвентарь отсутствовал. Поэтому первые два года жизни (1921 и 1922) учреждение вело голую борьбу за существование, когда все внимание специального персонала было сосредоточено на поддержании прочного хозяйственного аппарата и приобретении живого и мертвого инвентаря». Чтобы получить большой участок для

рассадки трав и проведения опытов, лес на площади 8,18 га справа от «Небесных» ворот был выкорчеван. Одновременно соседнее с Узким еще одно бывшее имение А.В. Трубецкой — Большое Голубино было обменено на 13,11 га крестьянской «пустырной земли».

В феврале 1922 г. основные усадебные постройки — господский дом и флигеля и некоторые другие были переданы Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) для организации санатория. Его открытие состоялось 14 мая. В тот день в Узком под председательством главы ЦеКУБУ А.Б. Халатова, было организовано выездное заседание Комиссии. На нем присутствовали и другие члены ЦеКУБУ — Н.И. Гиндин и нарком здравоохранения Н.А. Семашко, а также руководители основных высших учебных заведений страны (с правом совещательного голоса) профессора А.В. Кубицкий и О.К. Ланге (оба заместители ректора 1-го МГУ), ректор 2-го МГУ С.С. Наметкин, один из организаторов Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) С.А. Чаплыгин, впоследствии академик, и приехавший из Петрограда Д.К. Заболотный. Кроме того, Узкое посетил и О.Ю. Шмидт. Комическим моментом торжеств явилось признание «желательным» провести 28 мая вторичное заседание, т.е. по существу еще одно открытие санатория, поскольку не все приглашенные на открытие представители высших учебных заведений смогли прибыть в Узкое. Однако оно не состоялось, а фактически санаторий или, как его иногда называли, дом отдыха, начал функционировать с 20 мая.

В Узком отдыхали и работали практически все крупнейшие ученые страны, академики и члены-корреспонденты Академии наук, деятели культуры и искусства: В.И. Вернадский, Д.Н. Анучин, В.А. Обручев, А.Н. Павлов, А.Е. Ферсман; основатель научной школы неорганической химии Н.Д.

Зелинский; химики И.А. Каблуков и Н.М. Кижнер; математик Н.Н. Лузин; историки М.М. Богословский, Н.И. Кареев и М.В. Нечкина; астроном С.П. Глазенап; организатор и первый директор Института биофизики П.П. Лазарев; профессора Б.З. Коленко, С.А.Котляревский, А.Н. Реформаторский, М.Н.Розанов, П.Н. Сакулин, Б.И.Сыромятников, А.Н. Филлипов, А.Б.Фохт; литературовед Д.Д. Благой; искусствовед и коллекционер А.А. Сидоров; директор Института эволюционной морфологии А.Н. Северцов; Ю.А. Косыгин, впоследствии известный академик-геолог; его отец профессор А.И.Косыгин; О.Ю.Шмидт; князь Д.И.Шаховской, бывший народоволец Н.Л.Мещеряков; отставной инспектор кавалерии Красной армии А.А.Брусиллов; директор Московского народного хорового училища (бывшего Синодального) А.Д.Кастальский; скульпторы Н.А.Андреев и И.Н.Жуков; пианист А.Б.Гольденвейзер; художники А.М.Васнецов, И.Э.Гра-арь, С.Д.Милорадович, И.Н.Павлов, В.Д.Фалилеев; писатели В.В.Вересаев, С.Я.Елпатьевский, П.Н.Зайцев, И.С.Рукавишников, Н.Д.Телешов, А.И.Цветаева, К.И.Чуковский; поэты С.А.Есенин, О.Э.Мандельштам, В.В.Маяковский, И.П.Уткин; актрисы О.Л.Книппер-Чехова, Н.А.Луначарская-Розенель, О.С.Соболевская и В.С.Соловьева (Жилинская), пианистка Н.И.Голубовская, актер Н.А.Подгорный, режиссер К.С.Станиславский со своим непременным секретарем О.С.Бокшанской; народные комиссары Н.А.Семашко (здравоохранения) и А.В.Луначарский (просвещения) и многие другие.

«Соловьевская комната» сначала использовалась как читальня, а позднее как бильярдная. По свидетельству Н.Я. Мандельштам: «Когда мы жили в Узком, санатории Цекубу, разместившемся в усадьбе Трубецких, где умер Соловьев, О[сип] М[андельштам] поражался, как равнодушно советские

ученые занимаются своими делами, пишут статейки, почитывают газеты и слушают радио в том самом кабинете, где [...] умер Владимир Соловьев. Я тогда не знала ничего про Соловьева, и он с отвращением мне сказал: «Такая же дикарка, как они»... От этой профессорской толпы у О[сипа] М[андельштама] появилось ощущение варварского нашествия в священные места русской культуры. Он мало с кем разговаривал в таких местах и держался обособленно».

В 1931 г. Узкое стало санаторием Комиссии содействия ученым (КСУ), ставшей преемницей ЦеКУБУ, против которой была проведена в печати целая кампания. Господский дом усадьбы был реконструирован в нач. 1930-х гг. Частично были перепланированы некоторые помещения, надстроены вторыми этажами галереи, соединяющие его с флигелями. По-видимому, одновременно появилось в Узком несколько построек, принципиально не изменивших общий облик усадьбы.

11 ноября 1937 г. уже в связи с ликвидацией КСУ Совнарком передал Узкое Народному комиссариату здравоохранения, что означало скорое появление в санатории совсем другого контингента посетителей. Но уже 17 ноября это решение было изменено в пользу Академии наук, которой усадьба принадлежит и поныне.

Начало войны и приближение линии фронта к столице свело на нет предполагавшийся ремонт господского дома усадьбы и предложения академика ВАСХНИЛ И.Я. Якушкина по усовершенствованию принадлежавшего санаторию хозяйства, ведущегося на базе бывшего имения. Узкое было превращено в крупный опорный пункт Московской зоны обороны. Усадебный парк был перерыт блиндажами и траншеями, сооружены доты и дзоты. В конце октября позиции по линии Узкое — Красное — Царицыно — Хохловка заняла Юго-Западная группа войск, костяк которой

составляла 332-я стрелковая дивизия. 26 ноября 1941 г. на базе санатория «Узкое» был развернут полевой передвижной госпиталь 104-А, находившийся в усадьбе более месяца. Несколько позже, по решению Мособлсовета, Узкое с 16 марта 1942 г. занял эвакуогоспиталь, действовавший до весны 1943 г. Среди сотрудников этих госпиталей был и персонал санатория. После стабилизации обстановки на фронтах в усадьбе в 1943 г. был открыт дом отдыха Академии наук (это было уже некоторым понижением статуса, обусловленного состоянием здания), однако через несколько лет он был переведен на положение санатория и остается в таком качестве вплоть до сегодняшнего дня.

Сразу же после войны в Узкое пустующие стены большой гостиной и столовой бывшего господского дома украсили полотна И.С. Бека, А. ван Дипенбека, Х. Дитриха, Кейцега, К. Людвига, А. Монго, М. Рокка, А.Тервестена-старшего, А. Томпсона, Л. Фогеля, А. Хертеля, Х.Шмидта и других западноевропейских художников XVII — XIX в., вывезенные из знаменитых дворцов побежденной Германии: королевского замка Шарлоттенбург в Берлине, всемирно известного Сан-Суси и расположенного недалеко от него Новом дворце в Потсдаме (нельзя исключить, что часть работ может происходить из других немецких хранилищ). Относительная немногочисленность «трофейных» полотен, попавших в Узкое, преимущественно большие их размеры, происхождение, временной и стилевой разнотой позволяют сделать вывод о случайности их подборки. По-видимому, эти картины являются фрагментами больших собраний, которые были переданы Академии наук; а в Узком, в основном, оказались лишь те работы, которые из-за значительных габаритов было бы затруднительно разместить в небольших помещениях.

В 1948 г. по решению тогдашнего президента Академии наук СССР С.И. Вавилова в Узкое были

переданы большое собрание живописи, а также скульптура, мебель, вазы, ковры др. раритеты, завещанные Академии наук К.А. Морозовой, супругой и наследницей бывшего народовольца почетного академика Н.А. Морозова поводам (в литературе распространено мнение, что Н.А. Морозов лично завещал свое собрание именно санаторию; однако ни в одном из его завещаний Узкое не упомянуто, а единственной наследницей объявлена жена). К.А. Морозовой принадлежали работы: И.А. Айвазовского, Л.С. Бакста, В.Л. Боровиковского, Д.Д.Бурлюка, В.К.Бялыницкого-Бирули, А.Ф. Гауша, А.Я. Головина, И.Э. Грабаря, Г.И. Гуркина (Чорос-Гуркина), Н. Зарубина, А.А. Кайгородова, Б.М. Кустодиева, Л.Ф.Лагорио, А.Б.Лаховского, Я. Леснера, Г. Лесовика, М.В. Нестерова, Н.А. Околовича, А.П. Остроумовой-Лебедевой, И.Е. и Ю.И. Репиных, Н.К. Рериха, М.В. Рундальцева, А.А. Рылова, А.П.Рябушкина, М.И. Соломонова, П. Спесивцева, М.А. Федоровой, Н.А. Чахрова, И.И. Шишкина, В.Ф. Штейн и других российских и западноевропейских художников XVII — 1-й половины XX в. Значительная часть вещей, в первую очередь мебель, предметы прикладного искусства, а также наиболее старая часть коллекции живописи, были собраны еще отцом Н.А. Морозова, отставным офицером П.А. Щепочкиным, владевшим усадьбой Борок Мологского уезда Ярославской губернии (из-за того, что родители не были венчаны, Н.А. Морозов получил отчество по своему крестному и фамилию матери). Некоторые картины перешли к Н.А. Морозову непосредственно от самих художников в качестве подарков по разным поводам. Впоследствии консультант Президиума Академии наук Н.П. Пахомов, в свое время участвовавший в составлении описи имущества К.А. и Н.А. Морозовых в их квартире на Большой Калужской улице, составил экспозиционный план размещения памятников искусства — картин и мебели в основных помещениях

санатория: малой гостиной, бильярдной и вестибюле. Произведения искусства из Борка, попав в привычную для них временную и стилевую среду, создают иллюзию подлинной исторической обстановки господского дома. Как правило, именно в таком качестве их и воспринимают те, кому случается побывать в Узком в роли отдыхающего или просто посетителя, гостя. Не вошедшие в экспозицию картины, мебель, предметы быта рассредоточены по отдельным помещениям. Некоторые размещены в служебных комнатах и номерах отдыхающих, что, конечно, затрудняет знакомство с этой частью собрания. Произведения искусства из Борка, попав в привычную для них временную и стилевую среду, создают иллюзию подлинной исторической обстановки господского дома. Как правило, именно в таком качестве их и воспринимают те, кому случается побывать в Узком в роли отдыхающего или просто посетителя, гостя. За время существования экспозиции в ней произошли определенные изменения. Некоторые вещи поменяли свои места благодаря сотрудникам санатория, которые по своему разумению внесли коррективы в работу специалиста высочайшего класса, каким был Н.П. Пахомов, кое-что было списано или украдено. Поскольку художественное собрание Узкого не имеет какого-либо особого статуса, закреплявшего бы его неделимость, бичом этого историко-культурного комплекса стала передача ценностей различным организациям. Государственному Русскому музею получил из Узкого скульптурную группу «Дети Трубецкие» работы Паоло Трубецкого; хрустальная с бронзой люстра на шесть свечей (кон. XVIII-нач. XIX в.) и портрет Н.А.Морозова, выполненный учеником И.Е. Репина — Н.А. Чахровым (1906 г.), оказались в Президиуме Академии наук (портрет был впоследствии отсюда похищен); рояль фирмы «Ратке», каминное зеркало, платяной шкаф красного дерева, китайская ширма с вышивкой, чайный столик,

небольшой старинный комод, находившийся рядом со своим владельцем во время его последнего заключения в 1912-1913 гг. в Двинской крепости за публикацию сборника стихов «Звездные песни» (М., 1910), а также некоторые картины, в т.ч. портреты деда и бабки Н.А. Морозова: А.П. и В.Е. Щепочкиных были переданы Дому-музею Н.А. Морозова в Борке, ныне находящемуся в ведении Института биологии внутренних вод РАН; буфет, подаренный Узкому дочерью Ф.И. Шаляпина, был передан Центральному музею музыкальной культуры им. М.И. Глинки и ныне украшает собою экспозицию Дома-музея Ф.И. Шаляпина.

Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2591 -р от 30 декабря 2013 года санаторий «Узкое» стал подведомствен Федеральному агентству научных организаций. Его приказом № 439 от 2 сентября 2016 года санаторий включен в состав Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Госпиталь для инкурабельных больных — Научный лечебно--реабилитационный центр» (ныне — Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии — ФНКЦ РР). Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2871 -р от 20 декабря 2018 года по предложению Российской академии наук здания усадьбы Узкое, в которых находится санаторий, были переданы на праве оперативного управления ФНКЦ РР.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Главный въезд в Узкое находится на участке Профсоюзной улицы между станциями метро «Коньково» и «Теплый Стан». Его открывает высокая массивная арка с полукруглым сводом. Это и

есть знаменитые «**Небесные ворота**», воспетые Б.Л. Пастернаком в стихотворении «Липовая аллея» (1957 г.):

Ворота с полукруглой аркой.

Холмы, луга, леса, овсы.

В ограде — мрак и холод парка,

И дом невиданной красы.

«Небесные ворота» сложены из кирпича и украшены рустом. Характер завершения боковых частей предполагает возможность установки на них скульптуры. Ворота не имеют четкой датировки, характерны для позднего классицизма, судя по архитектуре, выстроены провинциальным, возможно крепостным архитектором, т.е. относятся к периоду владения Узким Толстыми и могут датироваться концом 1820-х-1830-и гг. (согласно карте Московской губернии 1848 г. при Толстых в лесу северо-восточнее и юго-восточнее Небесных ворот находились здания караулен, от которых ныне не осталось и следа). Именно эта форма ворот имеет античные корни. Очень похожая арка, только каменная, сохранилась в открытом в 1912 г. античном римском городе Тубурбо Маджус (Тубурбо Майус), ныне находящемся на территории Туниса. Подобные арки были и в других римских города. Со временем форма одной из них, попав на увраж, оказалась в России и была воспроизведена в Узком, но уже не так умело и в другом материале...

С «Небесными воротами» связано и историческое название одной из основных планировочных осей, определивших структуру усадьбы - исполинской лиственничной **въездной аллеи**, ныне

начинающейся от «Небесных ворот» (до прокладки Профсоюзной улицы она была немного длиннее) - «дорога в небо» (иногда его интерпретации распространялись на всю усадьбу целиком: в одном из писем жене А.Д.Кастальского 1923 г. встречается выражение «небесное Узкое»). Аллея, ныне пошло называемая Санаторной, по находящемуся в Узком санаторию, создает очень возвышенное и слегка меланхоличное настроение: редко где так чувствуется необходимость длительного подъезда к усадьбе и те переживания, которые охватывают подъезжающего. Такое название арки объясняется тем, что рельеф местности за нею сильно понижается вплоть до переезда через Даниловский овраг, по которому течет речка Чертановка; поэтому при выезде из Узкого по аллее через «Небесные ворота» было видно небо.

Этот эффект описан писателем Юлианом Семеновым в его романе «Бриллианты для диктатуры пролетариата». Один из его главных героев, Всеволод Владимиров, более известный по другим произведениям Ю. Семенова, как разведчик Максим Максимович Исаев, он же Штирлиц, в 1921 г. по дороге в Москву вспоминает Узкое, куда собирается отправиться вместе с отцом: «Отец в первый их приезд сюда подвел Всеволода к воротам в поместье; было это на закате.

— Жди, — сказал он шепотом, — и смотри внимательно, сейчас будет чудо.

Солнце медленно, тяжелыми рывками, опускалось. Оно ударилось об арку, замерло на мгновение, потом стремительно стекло вниз и упруго заполнило собой овал ворот, и было так несколько минут — плененное солнце, не властное вырваться из геометрической точности

арки, и смотреть на это бессилие светила, пусть даже временное, было жутковато.

Отец хвастливо глянул на Всеволода и сказал:
— Это я сам открыл...».

В романе «Приказано выжить» - продолжении романа «Семнадцать мгновений весны» Ю.Семенов опять вернулся к этому сюжету. Его герой опять вспомнил о Небесных воротах, но первооткрывателем их эффекта является уже не его отец, а никто иной, как скульптор Паоло Трубецкой: «Папа меня очень любил... Потому что я у него был единственный... У него была родинка на щеке... На левой... И красивая седая шевелюра... Мы с ним часто ездили гулять. В Узкое... Это маленькая деревня под Москвою... Там стояли ворота, построенные Паоло Трубецким... В них опускалось солнце... Все... Целиком... Только надо уметь ждать, пока оно опустится... Там есть такая точка, с которой это хорошо видно, сам Паоло Трубецкой показал это место папе...» (Ю.Семенов, видимо, не знал, что ворота построены задолго до Паоло Трубецкого, бывшего двоюродным братом владельца Узкого, документально известен лишь один его приезд в эту усадьбу, в 1895 г.)

Смерть в Узком В.С. Соловьева в 1900 г. позволила по новому осмыслить названия ворот ведущих в Узкое и самой усадьбы: «...нельзя не упомянуть об этом странном совпадении, тем более, что сам Владимир Сергеевич придавал большое значение приметам [...]. Невольно приходят на память слова об Узких вратах в Царствие Небесное. В самом этом названии есть что-то роковое для человека, у которого были самые широкие взгляды в России», - писал друг В.С. Соловьева поэт В.Л.

Величко. Современная застройка четной стороны Профсоюзной улицы в 1980-х гг. лишила смысла первоначальное название ворот: небо через них уже не видно.

«Дорога в небо» показана на плане 1767 г. как «дорога з большой Калужской дороги в село Узкое», судя по этому плану, первоначально ее траектория после пересечения с Даниловским оврагом, проходила севернее современной, доходила до конного двора, после чего превращалась в главную сельскую улицу. Нынешнюю траекторию «дорога в небо» дорога приобрела между 1818 и 1844 гг. при П.А. Толстом и, видимо тогда и получила это название. При Трубецких в последней четверти XIX в. она была шоссирована и обсажена лиственницами, а на участке между прудами и церковью пихтами, превратившись в аллею. Позднее, параллельно лиственницам вдоль дороги были высажены ели.

После создания в Узком санатория, въездная аллея стала одним из любимых мест прогулок отдыхающих. Кроме того, по ней, а затем по Старой Калужской дороге можно было добраться до единственного на всю округу почтового отделения в Верхних Теплых Станах. Жена А.В. Луначарского Н.А. Розенель вспоминала, как по «дороге в небо» гуляли А.В. Луначарский и В.В. Маяковский: «...в санатории «Узкое» я видела, как Луначарский и Маяковский, случайно там встретившиеся, шагали по знаменитой еловой аллее, [в действительности - лиственничной - М.К.] - и если и спорили, то, во всяком случае, с уважением и симпатией друг к другу. А с прогулки пошли прямо к бильярду». Э.Г.Герштейн рассказала про свое «путешествие» по «дороге в небо» с О.Э. Мандельштамом в 1928 г. В зимнее время аллея могла оказаться непроезжей, в дневнике К.И. Чуковского, приехавшего в Узкое 25 февраля 1934 г., красочно описано, как у переезда через

Чертановку «...шофер отказался ехать дальше. Сплошной снег, не видать дороги. Булатов [спутник К.И. Чуковского – М.К.] голыми руками без перчаток взвалил себе на спину мой чемодан, набитый книгами; побежал на гору) – я пошел по бездорожью под ветром (только что из больницы) – промочил ноги». В 1941 г. часть аллеи была спилена для пристрелки артиллерии: «...жаль вырубленной «дороги в небо», писал в 1943 г. в книге отзывов санатория «Узкое» академик С.Г. Струмилин. Несмотря на то, что аллею восстанавливали, она уже имеет много выпадов, количество которых за последние годы увеличилось, так что она, увы, уже далеко не везде выглядит аллеей лиственничной. Лучше всего она сохранилась ее южная сторона.

После переезда через Чертановку «дорога в небо» поднимается вверх и поворачивает налево и, минуя дамбу, между террасными прудами, устроенными на притоке Чертановки – Безымянном овраге, и выходит к самому раннему и самому яркому памятнику Узкого – **церкви Казанской иконы Божьей матери** – одному из интереснейших произведений нарышкинского стиля в Москве и Подмосковье, единственной примете стрешневского периода истории усадьбы и доминанта усадебного комплекса. Она торжественно парит над усадьбой, подчиняя себе все усадебные постройки.

Огромный кирпичный белый пятиглавый храм конца XVII в., купола которого видны от находящихся в полутора километрах от него Небесных ворот, принадлежит к группе построенных на рубеже XVII-XVIII веков в вотчинах родовитой знати центрических церквей, сочетающих в своем облике декоративные черты нарышкинского стиля) с европейскими композиционными схемами и

классическим ордерам. Повышенная центральная часть церкви в Узком и четыре примыкающие к ней двухъярусные башнеобразные объемы, ориентированные по сторонам света, композиционно составляют единое здание, имеющее очень красивый план в виде квадрата с четырьмя трехчетвертными «лепестками». Скругленные нижние части башнеобразных объемов объединены спаренными полуколоннами большого ордера, контрастирующего с малым ордерами оконных наличников и порталов сложного рисунка, а также с простой плоской декорацией восьмериков и барабанов. В отличие от большинства других «вотчинных храмов» колокольня устроена не в центральной главе, а в юго-западной, находящейся над главным входом. Ее купол является резонатором звука. На наружной стене над входом в наличнике помещен современный зданию образ Казанской Божьей Матери. Просторный высокий интерьер освещен преимущественно верхним светом. Внутреннее пространство церкви удивительно едино и цельно, боковые приделы открываются в интерьер арками полуциркульных очертаний.

Внешнее декоративное убранство церкви в Узком довольно однообразно и сосредоточено преимущественно в нижнем ярусе здания. Убранство второго яруса значительно проще и строже, а белые барабаны глав почти лишены украшений. Это далеко не самый пышный памятник нарышкинского стиля. В нем не использован белый камень, тогда обычно в изобилии применявшийся в церковном декоре, в т.ч. расположенной недалеко от Узкого, церкви в усадьбе Сергиевское (Коньково-Сергиевское). Очевидно, это объясняется желанием заказчика не затягивать строительные работы и как можно скорее завершить постройку. Косвенным доказательством этого является прошение Анны Лукиничны Стрешневой, матери тогдашней владелицы Узкого Софьи Стрешневой,

поданное в Патриарший Казенный приказ в 1720 г. о проведении ремонта внутренних помещений храма. Ей было разрешено «...иконостас разобрать, и вместо ветхого пола, построить вновь пол и престол утвердить на прежнем престольном месте, среди олтаря и сотворить в той церкви посвящение Большого Успенского собора протопопу Феодору с братиею...» Чуть больше двадцати лет для белокаменного пола – срок ничтожный! Очевидно, что при строительстве были допущены серьезные просчеты, скорее всего, также объясняющиеся спешкой.

Убранство интерьеров церкви наоборот, являлось традиционным для памятников нарышкинского стиля. По свидетельству историка М.И. Александровского, центральный иконостас был таким же, как в церкви Покрова в Филях «...но черный с позолотой». В главном четырехъярусном иконостасе было 62 иконы, в придельных трехъярусных иконостасах по 40. Иконы для них писали царские жалованные иконописцы Оружейной палаты: Георгий (Егор) Терентьевич Зиновьев, грек Николай Соломонович Вургаров, и Василий Леонтьев, участвовавшие во всех крупных иконописных работах того времени. Иконостасы в Узком последнее их крупное произведение. Сохранился ответ Н.С. Вургарова на запрос о завершении работ в приделе Иоанна Предтечи: «В церковь Иоанна Предтечи святых икон, которая досталась ему написать с своею братьею по разделу, не дописано в пророческий пояс образ Воплощения Пресвятыя Богородицы да в царския двери два Евангелиста, а дописаны оне будут к 8 сентября 206 [1697 — М.К.] года». По видимому, так же как и в церкви Филей внутри на западной стене находился балкончик владельца (в Филях он назывался царской ложей), ныне на этом месте — простая балюстрада. К сожалению, из первоначального внутреннего убранства церкви ничего не сохранилось, кроме кованой цепи от

главного паникадила.

Церковь в Узком - принципиально новый тип бесстолпного, центрического, репрезентативного по внешнему облику храма замыкает собой одну из ветвей развития данной типологии, восходящую к собору Николая Чудотворца в Нежине – самому раннему подобному памятнику, сооруженному к 1668 г. Этот тип храма, так полюбившийся на Украине, воспроизведен в различных формах и многочисленных модификациях: на Черниговщине, Слобожанщине, Киевщине. Отсюда он попал и в южные регионы России. Очень близка к церкви в Узком как по планировке, так и в основных чертах объемного построения церковь Воскресения в усадьбе царя Федора Алексеевича Воскресенское на Пресне, судя по ее «проектному заданию», опубликованному В.П. Выголовым. Церковь Воскресения должна была быть центрической, с четырьмя одинаковыми выступами со всех сторон (в восточном размещался алтарь), который должны были быть ниже стен храма, к которым примыкали, на них стояли боковые главы, ориентированные по сторонам света, кубический центральный объем здания завершал низкий восьмерик. Хотя неизвестно была ли сооружена церковь Воскресения, но она и ее проектное задание могли оказать влияние на разновидности ярусных храмов.

Еще одним памятником, отразившим украинское влияние, является церковь Знамения в подмосковной усадьбе Курово, сооруженная между 1681 и 1687 гг. на средства боярина А.С. Шеина, впоследствии первого русского генералиссимуса, но она поскромнее, «трехбанная» с трехчастным планом. Немного позже появился Новый собор Донского монастыря, выстроенный в 1684-1698 гг.: большой квадратный в плане храм, со всех сторон обстроенный выступающими полукруглыми башнеобразными притворами, вторящими форме апсиды и главами, ориентированными по сторонам

света, но сохранивший четырехстолпную компоновку. Церковь в Узком - наиболее близкий к исходному образцу третий подобный памятник.

Точная дата закладки ее неизвестна. Можно предположить, что это событие совпало с выделением Т.Н. Стрешневым, купившим Узкое в 1693 г., участка пашни для церковного причта на пустоши Борисовка. Это выглядит логичным, поскольку под крышу храм был подведен уже к 1696 г., раз царский жалованный иконописец грек Николай Соломонович Вургаров писал иконы для его правого придела — Иоанна Предтечи, не имевшего аналога в предшествующих храмах Узкого. Этот престол получил свое наименование в честь святого, одноименного сыну вотчинника — комнатному стольнику Ивану Тихоновичу Стрешневу (ум. в 1717 г.) и брату Петра I царю Иоанну Алексеевичу, т.е. может являться свидетельством близости Стрешневых и царской семьи.

Дальнейшего развития эта линия внутри нарышкинского стиля не получила. Благодаря приезду в Россию западноевропейских архитекторов, начавшемуся с «Великого посольства» 1698 г., и не прерывавшемуся все петровское царствование, очень скоро появилось много образцов новых, более современных вариантов барокко, заметно отличающихся по композиции и декору. В результате нарышкинский стиль целиком оказался вытеснен в провинцию (единственным прецедентом в Подмосковье применения архитектурной композиции, восходящей Новому собору Донского монастыря, является церковь Тихвинской иконы Божьей Матери в усадьбе Бурцево, сооруженная в 1730-1733 гг. на средства М.С. Аничкова; ее боковые главы поставлены не по сторонам света, как у Нового собора, а традиционно - по углам основного четверика).

Во время Отечественной войны 1812 г. церковь ограбили французы, отступавшие из Москвы по

Старой Калужской дороге. Французская армия выступила из сожженной Москвы 5 октября 1812 г. по Старой Калужской дороге, разоряя расположенные вдоль нее села и деревни. В «Ведомости, учиненной в Московском земском суде о владельческих селениях с показанием претерпенных ими от нашествия неприятеля разорении» по Московскому уезду отмечено, что в Узком «отнято неприятелем хлеба 2500 четвертей, сена 4700 пудов, лошадей 28, коров 30, баранов, овец 90, разграблена церковь, господский дом, имущество дворовых людей и крестьян, хлеб и весь скот, всего на сумму 124877 рублей». Нанесенный французами ущерб был грандиозным, однако вполне логично предположить, что пострадавшие крестьяне могли поучаствовать в разграблении усадьбы, пользуясь отсутствием владельцев. Французы сняли с икон центрального иконостаса и придела Иоанна Предтечи «оклады и венцы серебряные» и забрали с собой часть церковной утвари. Придел Николая Чудотворца не пострадал, настоятелю И.Я.Соколову удалось спасти основную святыню - икону Казанской Божьей Матери из центрального иконостаса. Все это говорит о том, что визит французов в Узкое был кратковременным и церковь не являлась их основной целью.

По местной легенде в Узкое заехал сам Наполеон и лично наблюдал за движением «великой армии» с храмовой колокольни. Аналогичные предания о якобы имевшем место личном приезде императора типичны для местностей, находившихся по пути движения французов, поскольку крестьяне, не представлявшие как выглядел Наполеон и не разбиравшиеся в военной форме, зачастую принимали за французского императора любых начальников отрядов, входивших в их села и деревни. Во всяком случае, Наполеон и его

маршалы и генералы, несомненно, видели церковь Узкого со Старой Калужской дороги.

По инициативе П.Н. Трубецкого в Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества 1899 г. было получено разрешение на реставрацию интерьеров церкви: возобновить пришедшие от времени в крайнюю ветхость иконостасы, в них иконы, и стены внутри храма ремонтировать, в средней части храма вновь устроить духовое отопление» (до того «теплым» был сделан между 1863 и 1881 гг. лишь придел Иоанна Предтечи). Эти работы проводились «под наблюдением» члена Комиссии известного московского архитектора А.Ф. Мейснера и завершились в 1902 г., т.е. ремонт не был окончен, когда в церкви 2-3 августа 1900 г. находилось тело философа В.С. Соловьева (в приделе Иоанна Предтечи).

Церковь оставалась действующей до 1930 г., когда ее последний настоятель Д.И. Соколов был выслан в Сибирь, преемник ему назначен не был, потому службы прекратились. Местные комсомольцы уничтожили убранство интерьеров, сожгли часть оставшихся икон и сбросили колокола. После этого один раз в церкви показали кинофильм. Затем в ней размещались магазин и общежитие. В 1933 г. на совещании в строительном секторе Комиссии содействия ученым было принято решение превратить церковь в водонапорную башню, для чего «установить напорные баки один над другим в одном из крайних приделов церкви...». Это давало возможность обеспечить водой все номера санатория «Узкое».

В начале 1950-х гг. в церковь Узкого Фундаментальная библиотека по общественным наукам АН СССР (ныне ИНИОН - Институт научной информации по общественным наукам РАН) перевезла

часть своих фондов. В основном, это были издания, не пользующиеся спросом, дубликаты (так называемые «седьмые экземпляры»), отечественные и зарубежные периодические издания книги на иностранных языках, как поступавшие в СССР легальными путями, так и вывезенные из Германии после Второй мировой войны (все издания были уложены в высокие штабеля, занимавшие почти половину высоты здания, портились из-за пыли и влажности плесневели и заражались грибом, поэтому наиболее попорченные экземпляры время от времени сжигали).

Некоторые книги, судя по экслибрисам на них, происходили из библиотеки князей Воронцовых в Алушке. Часть книг принадлежала объединенной городской и университетской библиотеке Кенигсберга в Восточной Пруссии (ныне Калининградской область), в т.ч. книги из Валленродтского книжного собрания – в основном XVI-XVII вв., на латинском и немецком языках (в 1981 г. часть Валленродтского собрания была передана Калининградскому государственному университету, ныне Российский государственный университет им. И.Канта). Не менее известна и оказавшаяся в церкви в Узком «Готская библиотека», происшедшая из семьи герцога Кобург-Готского (в 1928 г. она была передана в дар городу Готе (земля Тюрингия), но по договору, семья герцога оставляла за собой приоритетные права на библиотеку). В СССР Готская библиотека в научных целях реально не использовалась, в 1956 г. ее передали ГДР, но про часть библиотеки, находящуюся в Узком (около 6 тысяч томов XVI-XVII вв.) просто забыли.

В 1959 г. проржавевшие купола были сняты и заменены невысокими конусообразными кровлями. В 2-й половине 1970-х гг. в ходе косметической реставрации, проведенной Всесоюзным реставрационным комбинатом (в 1979 г. все работы были завершены), здание, побеленное внешне, получило новые купола, выполненные по проекту архитектора С.С. Кравченко. Но они восстановлены не на основе документальных данных, а по аналогам XVII в. К сожалению, С.С. Кравченко не понял памятник, трактуя его только как образец традиционного московского зодчества, поэтому сделанные по его проекту купола шлемовидные луковичной формы чисто московские. Предыдущие купола 1799 г., появившиеся при Егоре Голицыне, высокие, устремленные вверх, настоящие украинские «бани» очень удачно, вписывающиеся в стилистику здания, вполне могли быть копией своих предшественников или создаваться по их мотивам. Формы куполов по проекту С.С. Кравченко внесли диссонанс в историческую среду усадьбы. Их не могло быть при ныне существующих основных усадебных постройках, кроме того, оказался искажен мемориальный облик церкви, связанной с именем В.С. Соловьева, что видится бессмысленным и ненужным.

Церковь Узкого была передана Патриархии 2 августа 1990 г., но ИНИОН, ставший преемником Фундаментальной библиотеки, и приход долго не могли найти общего языка, поэтому только в феврале 1992 г. начались работы по вывозу книг в хранилище (Государственная комиссия по реституции Готскую библиотеку первоначально предполагала передать ФРГ, но, после долгих дискуссий, она была оставлена в России). В праздник Пасхи 22 апреля 1992 г. церковь была освящена. К сожалению, в ходе дальнейших работ по восстановлению здания, были допущены искажения его исторического облика. В нарушение законодательства об охране памятников была

уничтожена белокаменная паперть 2-й половины XVIII в. вокруг него, сооруженная при Алексее Борисовиче Голицыне; в 1998 г. она была заменена новой, более широкой (остатки старой паперти частично использованы при оформлении цветников и палисадников за церковью). Облик памятника не улучшили нелепые двойные заборчики, которыми он был обнесен со стороны входа в санаторий и диссонирующий с его внешним обликом козырек над главным входом и мраморные ступени.

Левее входа в церковь частично уцелело кладбище, на котором испокон веков хоронили жителей Узкого и деревни Нижние Теплые Станы, входившей в состав имения. Узковское кладбище (будем называть его так по аналогии с названиями кладбищ в других населенных пунктах, включенных в городскую черту) небольшое и потому малоизвестное, его конфигурация неоднократно менялась, в том числе и в связи с сооружением ныне существующего каменного храма, поставленного не на том месте, где находились его предшественники.

Могил «владельческого характера» на кладбище в Узком было немного и появились они только на рубеже XIX-XX вв. при князьях Трубецких. В 1892 г. за алтарем придела Иоанна Предтечи была похоронена восьмимесячная Елизавета Петровна Трубецкая - дочь владельца Узкого Петра Николаевича Трубецкого и его жены Александры Владимировны. В 1908 г. рядом была похоронена их внучка Анна Владимировна Трубецкая, не прожившая и месяца. Некрополь Трубецких стал свидетельством того, что этот род не собирался расставаться с Узким. По свидетельству Е.А. Петровой, дочери А.М. Никольского, бывшего настоятелем церкви в Узком в 1903-1915 гг., на могилах, обсаженных туями, находились мраморные надгробия, которые в 1930-х гг. были уничтожены.

Еще одна примечательная могила на кладбище в Узком относилась уже к 1924 г. Тогда здесь был похоронен один из первых руководителей санатория «Узкое» Константин Александрович Константинович, являвшийся двоюродным братом академика В.И. Вернадского. В 1937 г. памятник на его могиле был снят по распоряжению тогдашнего руководства санатория «Узкое» и могила К.А. Константиновича затерялась. В настоящее время на кладбище находятся два захоронения, связанные с событиями Великой Отечественной войны. Это могилы командира роты 693-го отдельного саперного батальона лейтенанта Д.Я. Черныха, тяжело раненого в окрестностях Узкого при разминировании местности и скончавшегося в 5-й городской больнице 26 апреля 1942 г., могила саперов И.Я. Тимохина и С.Д. Катунина, подорвавшихся при разминировании территории Узкого. На их небольшом гранитном памятнике, поставленном в 1945 г., надпись: «Бойцам трудового фронта».

Восточнее церкви находится проходная, встроенная в ограду санатория. Миновав её, повернем направо к бывшему господскому дому, ныне — главный корпус санатория Российской академии наук «Узкое». Выражение Б.Л. Пастернака «...дом невиданной красы» в его адрес, можно назвать более чем смелым. Нужно думать, что поэт имел в виду не столько архитектурные достоинства здания, не являющегося уникальным шедевром, сколько его художественное собрание.

Ныне существующий деревянный рубленый обшитый тесом двухэтажный господский дом на кирпичном облицованном камнем полуподвале был сооружен на средства князя Алексея Борисовича Голицына, который стал единственным владельцем Узкого по разделу с братьями около 1772 г., до

того усадьбу предполагалось продать. Следовательно, строительство дома не могло начаться ранее этой даты. Деревянный дом в Узком уже существовал в 1791 г., сам владелец в письме к брату Владимиру иронически именовал его «избой». Таким образом, время строительства здания приходится на 1770-1780-е гг., когда в усадьбе были сооружены многочисленные служебные и хозяйственные постройки. Официальная датировка здания – началом XIX в. очень условна и не имеет документального подтверждения.

В 1812 г. дом как и церковь, был ограблен французами. Оставленные или забытые ими в усадьбе ковер и подсвечник, впоследствии переделанный в лампу, долгое время сохранялись в Узком, как своеобразные реликвии Отечественной войны.

Никаких изображений или первоначальных чертежей господского дома в Узком не сохранилось. Можно с большой долей уверенности предположить, что западный парковый и восточный фасады изначально, как и теперь, акцентировали портик («маркиз»), балкон и террасы («большая» - западная и «меньшая» - восточная) упоминающиеся в «счетах на село Узкое» мая-июня 1839 г. Тогда по указанию П.А. Толстого портик и балконная решетка были заново окрашены, переделана западная терраса, переложили две печи, оштукатурили помещения, настелили полы и вставили новые стекла в галереях, соединяющих дом с флигелями. Наличие портика говорит о тяготении архитектора здания к классицизму, хотя и не исключает наличия барочных элементов, как это было в комплексе Больших оранжерей, также сооруженных в Узком при А.Б. Голицыне. С голицынского же времени частично сохранилась анфиладная планировка парадных помещений первого этажа. Такая первоначальная система организации внутренней части здания традиционно держалась в барских особняках вплоть до

середины XIX в. Но даже тогда, став немодной в городе, она сохранялась в помещичьих усадьбах, бывших рассадниками всякого рода анахронизмов. Описи предметов, находившихся в основных жилых постройках Узкого, составленные в 1846 г., позволяют достаточно четко уяснить предназначение имевшихся помещений. На месте нынешней Большой гостиной или залы в господском доме находилось тогда две: «гостиная в сад», выходящая на восточный фасад, и «гостиная к прудам», ориентированная на западный. Современная бильярдная уже тогда была кабинетом тогдашнего владельца сына П.А. Толстого - графа Владимира Петровича, рядом с ней были расположены спальня, уборная его жены графини С.В. Толстой и девичья (современные малая гостиная, библиотека и вестибюль). В южной части здания находились столовая и буфетная комнаты. Планировка второго этажа, в основном, повторяла нижний. Там также имелись «гостиная в сад» и «гостиная к прудам», кабинет графа, гардеробная графини и две находившиеся рядом с ними комнаты без определенного назначения. В помещениях было много мебели красного дерева.

Думается, что параллельно с господским домом с юга от него был сооружен кирпичный одноэтажный кухонный флигель, возможно включивший в себя фрагменты более раннего здания: на плане 1767 г. на этом месте показана постройка в виде буквы Т с короткой перекладиной (с запада, напротив входа в него сохранилось небольшое здание ледника, в котором хранились продукты). Господский дом и южный флигель соединяла галерея, по которой из кухни в столовую носили блюда. Между 1836 и 1839 гг. рядом с господским домом был сооружен из кирпича классицистический северный флигель («маленький дом» или «флигель к церкви»), являвшийся как бы его продолжением и также соединенный с ним галереей. После этого господский дом стал называться «средним домом».

О первоначальных формах северного флигеля можно судить по единственной фотографии 1890 г., где за П.Н. Трубецким и его сыном Владимиром в экипаже виден фрагмент этого здания. Известно, что первоначально он имел мощные контрфорсы, являвшиеся скорее не конструктивным, а декоративным элементом. В северном флигеле находились помещения для приема гостей и личные апартаменты тогдашнего владельца Узкого графа Петра Александровича Толстого и одного из его сыновей: Владимира Петровича. Там же при Толстых жил статский советник Иван Михайлович Ираклионов со своей женой. На время своих длительных отлучек из Москвы В.П. Толстой оставлял И.М. Ираклионова за себя, а «средний дом» пустовал в ожидании хозяина.

В 1846 г. основные постройки Узкого были капитально отремонтированы под руководством выпускника архитектурной школы экспедиции кремлевского строения, Василия Васильевича Александрова (1790 - не ранее 1856), бывшего смотрителем Запасного дворца в Москве. Согласно рапорту приказчика Узкого В. Воробьева своему помещику В.П. Толстому: в Узкое «архитектур» В.В. Александров приехал 6 февраля. Последний зимний морозный месяц не подходящее время для строительных работ, поэтому нужно думать, что вызов специалиста обусловили экстренные обстоятельства. Судя по распоряжениям В.В. Александрова, сразу же по приезде в Узкое он «рассудил» конопатить некий «черный накат» и использовать старое железо с господского дома и флигелей для конного двора – потребовалась срочная замена прохудившейся кровли на основных постройках, возможно из-за очень снежной зимы. В.В. Александров отметил, что для покрытия галерей («коридоров»), соединявших господский дом с флигелями нужно привезти материал из Москвы. На «Топографической карте Московской губернии» 1860 г., составленной с топографической

съёмки, произведённой в 1852-1853 гг. Военно-топографическое депо, галереи между господским домом и флигелями не показаны. Видимо, тогда их уже не существовало. Помимо замены кровли В.В. Александровым проводились и менее срочные работы. В частности, была отремонтирована западная терраса господского дома, для которой было заказано 600 балясин, т.е. ее ограждение стало полностью новым. Для замены двух стен дома куплен строевой лес.

Вид близкий к современному основные жилые постройки Узкого приобрели только в последней четверти XIX в. при Петре Николаевиче Трубецком. С книги Общества изучения русской усадьбы «Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд», увидевшей свет в 1928 г., повелась традиция считать автором реконструкции Узкого архитектора Сергея Константиновича Родионова (1858 или 1859-1925). Имя С.К.Родионова в связи с Узким выглядит вполне логично, т.к. прослеживаются родственные связи Родионовых и Трубецких: жена С.К. Родионова, Софья Николаевна урожденная княжна Шаховская (ум. в 1920 г.), была племянницей отца владельца Узкого князя Николая Петровича Трубецкого. Тогда человеку, хорошо знавшему конкретную семью, её атмосферу и пристрастия, или, в крайнем случае, близкую по духу семью друзей или родственников, в таких случаях, как правило, отдавали пальму первенства. Поэтому мотивировка относительно того, что работу в Узком будет вести родственник, могла оказаться решающей, хотя Трубецкие вполне могли себе позволить нанять более дорогого и талантливого зодчего. Сами Трубецкие невысоко оценивали С.К. Родионова. По мнению младшего брата владельца Узкого, Григория Николаевича Трубецкого, С.К. Родионов «...был хороший человек, но недалекий и довольно бездарный архитектор и не очень толковый. Мой отец, бывший почетным опекуном и ведавший Елисаветинской больницей, устроил

его архитектором, кажется, в институте. Родионов часто являлся с докладом к моему отцу, который относился к нему всегда заботливо, но нередко сердился на его бестолковость. Родионов был не без претензий на «изящные манеры», а в Дворянском собрании всегда был в партии крайних консерваторов». Очень точная его характеристика как архитектора принадлежит М.В. Нащокиной в работе «Сто архитекторов московского модерна» (М., 2000): «Сформировавшись в 1880-е годы, Родионов принадлежал к поколению архитекторов - эклектиков. Отсутствие у него яркого художественного дарования наложило на большинство его произведений печать усреднённости и типичности, всем им недоставало образного лаконизма и хорошо прорисованных запоминающихся деталей...».

Как удалось нам установить, впервые имя С.К. Родионова, как архитектора Узкого в научных кругах появилось за пять лет до издания «памятников усадебного искусства», в 1923 г. Тогда на заседании Комиссии «Старая Москва» ее почетный председатель художник А.М. Васнецов, вернувшись из Узкого, в своем докладе об усадьбе впервые рассказал об С.К. Родинове, который в то время еще был жив и даже работал, в частности участвовал в создании сельскохозяйственной выставки на Крымском валу. Видимо, А.М. Васнецов опросил старых служащих Трубецких, которые в то время стали работать в санатории «Узкое», взять эту информацию в другом месте ему было неоткуда. Однако вопрос о С.К. Родинове вызвал дискуссию, по результатам которой был сделан вывод, что «дом в Узком строил едва ли Родионов, скорее Дм[итрий] Ник[олаевич] Чичагов, да и то ему принадлежит только переделка, а остов здания, его стены старые, м[ожет] б[ыть] XVIII века».

Имя архитектора Дмитрия Николаевича Чичагова (1835-1899) применительно к Узкому также

не выглядит случайным. В то время гораздо более опытный и зрелый мастер, чем С.К. Родионов, он, как удалось нам установить, работал для родственников Трубецких Глебовых (сестры владельца Узкого Софьи Николаевны и его мужа Владимира Петровича Глебова), выполнив в 1888 г. проект перестройки их особняка в Москве и строительства комплекса хозяйственных построек при нем (Большая Молчановка, 20), уничтоженных в 1960-е гг. при строительстве Проспекта Калинина, ныне Нового Арбата). В нем в 1900-х гг. находилась контора Челекено-Дагестанского нефтяного общества, в котором участвовали владелец Узкого П.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, Г.И. Кристи и др.

В истории отечественной архитектуры и Д.Н. Чичагов и С.К. Родионов герои второго плана, выдвинувшиеся как архитекторы главным образом благодаря удачным бракам. Д.Н. Чичагов женился на сестре известного московского архитектора М.Д. Быковского, тогда как С.К. Родионов стал известен постройками в усадьбах московской аристократии лишь благодаря связям с Трубецкими. Диапазон их творчества очень широк: от храмов до доходных домов в самой разной стилистике. Кажется, что оба, архитекторы-эклектики, они брались практически за все предложения работы. С.К. Родионов много строил в Дмитровском уезде, где находилось имение его жены Ботово (тюремная церковь Елизаветы и малоудачное здание прогимназии в Дмитровском кремле, церковь Троицы в с. Сысоево, церковь Покрова в с. Жестылево и др.). Самая эффектная работа С.К. Родионова - грандиозная церковь Троицы при фабрике Ляминых в подмосковной Яхrome (1892-1895 гг.) - вольная интерпретация на тему собора св. Петра в Риме. По проектам Д.Н. Чичагова строились общественные здания, церкви, школы и усадьбы по всей стране: в Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Ростове на Дону, Томске, Крыму, Владимирской и Черниговской губерниях. Несохранившийся список его

построек включал тридцать три сооружения, самое известное из которых здание Московской городской думы у Воскресенских ворот Китай-города.

Забавно, что оба они в разное время отдали дань реставрации, причем одного и того же здания: Успенского собора в Московском кремле. Д.Н. Чичагов на II съезде зодчих в 1882 г. сделал доклад о своей реставрации его иконостаса. В свою очередь, С.К. Родионову, по свидетельству Григория Трубецкого: «Благодаря протекции отца ему была поручена архитектурная реставрация Успенского собора перед коронацией императора Николая II, и он навлек на себя большое негодование любителей старины, пробив окно в стене собора для коронации». Это происходило в 1894 г., когда С.К. Родионов был назначен архитектором Синода, видимо, благодаря влиянию Н.П. Трубецкого.

Без обнаружения дополнительных данных решить однозначно вопрос в пользу авторства работ в Узком Д.Н. Чичагова или С.К. Родионова не представляется возможным, т.к. проекты и чертежи работ, проведенных в усадьбе, не сохранились. Не исключено, что в Узком работали они оба.

Достаточно важное значение, в т.ч. и для установления авторства имеет датировка реконструкции Узкого. Общество изучения русской усадьбы приписав С.К. Родионову с одной стороны отнесло ее к 1880-му году. Поверить и в то и другое сразу невозможно, т.к. в 1880-м году С.К. Родионову было около двадцати лет и нельзя представить, чтобы юноше, не завершившему свое архитектурное образование, самостоятельно доверили перестроить такое большое здание, как господский дом в Узком. (как известно, С.К. Родионов окончил Московское училище живописи ваяния и зодчества со званием художника архитектуры только в следующем 1881 г.). Кроме того, в 1880 г. Узкое еще принадлежало С.В. Толстой, а его будущий владелец П.Н. Трубецкой не был женат,

т.е. не было серьезных причин для реконструкции усадьбы. Однако поостережемся на основании этой ошибки безоговорочно приписывать работы в Узком Д.Н. Чичагову.

В свою очередь А.М. Васнецов отнес реконструкцию зданий в Узком к восьмидесятым годам, т.е. ко всему десятилетию. Эта дата выглядит гораздо вероятнее, т.к. имеет косвенные подтверждения. Из воспоминаний врача Г.Н. Сперанского, бывшего учителем в Узком в 1895 г., известно, что реконструкции господского дома способствовал отец владельца имения князь Николай Петрович Трубецкой. Но он переехал в Москву из Калуги с семьей только в 1887 г. Кстати, именно тогда Н.П.Трубецкой стал почетным опекуном и непосредственным начальником С.К. Родионова, который в то время вел строительство корпусов Константинопольского патриаршего подворья в Крапивенском переулке (ныне д. 4).

Недавно обнаруженный альбом с фотографиями Узкого 1890 г., принадлежащий родственникам потомков Трубецких, позволяет предположить, что реконструкция усадьбы проходила в два этапа. На них изображен господский дом Узкого уже после реконструкции в виде близком к современному. Он стал ассиметричным, будучи дополнен с севера и юга двумя небольшими гранеными объемами, за счет которых оказались расширены внутренние помещения: столовая и бывшая девичья, превратившаяся в вестибюль (асимметрия здания не бросается в глаза из-за одинаковой конфигурации пристроек, хотя и расположенных по разному). Возможно, в ходе реконструкции был укрупнены масштаб портика и балкона. На фотографии видно, что достраивается галерея, соединяющая господский дом с северным флигелями (ее центр выделен фронтоном, который был уничтожен при строительстве второго этажа).

В свою очередь флигеля были переделаны немного позже, между 1890 и 1895 гг., что подтверждается Г.Н.Сперанским и фотографиями Узкого, сделанными в те годы. Видимо тогда же северный флигель лишился контрфорсов, а южный был надстроен вторым этажом. Одновременно лестницу, спускающаяся от портика в партер, заменили боковые пандусы, для которых была сильно расширена центральная часть террасы. В ее белокаменном цоколе устроен небольшой грот. Протяженность ансамбля скрывает его ассиметрию благодаря общности декора и окраски (все здания в Узком тогда были окрашены охрой). Флигели стали внешне похожими друг на друга, но, тем не менее, не идентичными. «Неправильности» архитектуры южного кухонного флигеля Б.Л.Пастернак обыграл в пьесе «Слепая красавица» (1959-1960 гг.), действие которой происходит в большом помещичьем имении Пятибратское, расположенном в средней полосе России. Один из героев пьесы прибирая «четырехоконный» барский кабинет в Пятибратском отмечает, что «Оконный косяк не по правилу кладен. Выпирает вперед кирпич», что другой персонаж объясняет тем, что «Видать это простенок, где графиня Домна Убойница повара живьем замуровала».

Время проведения работ косвенно подтверждает и устройство на втором этаже детской с решетками на окнах, чтобы дети Трубецких не могли выпасть из них. Сам характер этих работ позволяет отнести реконструкцию здания к рубежу 1880-1890-х гг., когда семья Петра Николаевича Трубецкого существенно увеличилась.

Видимо, основная идея реконструкции Узкого - стилизация его под бывшую родовую подмосковную усадьбу Трубецких Ахтырку (Дмитровский уезд), которую Н.П. Трубецкой оказался вынужден продать. Но тут стоит говорить не прямом подражании Ахтырке и слепом копировании ее

форм, а Ахтырке, как идеальном усадебном образе - образце для подражания. Трубецким (особенно бывшему владельцу Ахтырки Н.П. Трубецкому), не являвшихся тонкими знатоками архитектуры, была нужна усадьба в ее привычном традиционном понимании, основанном на ностальгических впечатлениях усадьбы, где жизнь подчинена стилю.... Именно этот образ создал в Узком С.К. Родионов, объединив три существовавших на участке разновременных здания: господский дом и флигеля в единый комплекс с общим классицистическим декором, соединив их галереями. Хотя его работу нельзя охарактеризовать как стопроцентно удачную, нет сомнений в том, что она понравилась заказчикам! Но, попытавшись создать единый ансамбль, отвечающий их представлениям о богатой русской усадьбе рубежа XVIII-XIX вв.: господский дом с парными флигелями, объединенными галереями, С.К. Родионов внес в архитектуру Узкого сухость и дробность, а одинаковая отделка зданий, сооруженных из разных материалов с течением времени стала выглядеть бутафорией! Кроме того, господскому дому явно не хватает доминанты – вышки-бельведера со флагштоком, наподобие ахтырской.

Реконструкция лишила основные усадебные постройки Узкого их подлинного очарования старины и художественной ценности, вновь обретенной лишь по истечении длительного срока в связи с переоценкой архитектуры XIX в. и осознанием Узкого в качестве уникального усадебного комплекса. На государственную охрану в качестве памятников архитектуры господский дом и южный флигель были поставлены только постановлением Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. вместе с Большими оранжереями и корпусом служб. До того для исследователей, в т.ч. таких известных как М.И. Александровский, А.М. Васнецов, А.Н. Греч значимость господского дома была

лишь мемориальной.

Очевидно, что неудачи нельзя валить только на архитекторов, часть их обусловлена строительным заданием, т.е. лежит на заказчиках, очевидно, в целях удешевления строительства вынудивших его использовать только существующие разновременные постройки, не внося в них принципиальных изменений и поставивших задачу стилизаторского характера. В то время она и не могла быть решена адекватно, поскольку не существовало надлежащего понимания архитектуры классицизма, воспринимавшейся большинством современников как явная архаика. Отметим, что реконструкция Узкого выполнена вполне в русле архитектурных традиций того времени. Сухая механическая стилизация усадебных построек под здания начала XIX в. - явление достаточно распространенное. Отдельные элементы господского дома в Узком можно увидеть и в других усадьбах. К его восточному фасаду очень близка отделка дома в усадьбе князей Голицыных Должик (Харьковская губерния). Сильно вынесенный вперед портик господского дома в усадьбе князей Оболенских Красково, сооруженной, ориентировочно, в 1890-х гг. почти повторяет портик господского дома в Узком и т.д.

После реконструкции парадное назначение помещений первого этажа было сохранено. Бывшая спальня стала гостиной, но получила название Малой, в отличие от Большой Гостиной, объединивший гостиную «в сад» и гостиную «к прудам». Интерьер столовой дополнил зимний сад. На прежнем месте остался владельческий кабинет, который занимал П.Н. Трубецкой. В нем же в 1900 г. скончался философ В.С. Соловьев, благодаря этому интерьер кабинета превратился в уникальное мемориальное собрание. Диван с высокой спинкой, на котором скончался В.С. Соловьев, значится

еще в описи Узкого 1846 г. Над ним была укреплена металлическая табличка с надписью о произошедшем (диван, который ныне показывают посетителям Узкого:, как «соловьевский», не соответствует старым фотографиям). Более того, судя по воспоминаниям композитора Л.Л. Сабанеева, подлинный «соловьевский диван» был вывезен еще Трубецкими из Узкого в Москву и заменен копией. Четыре окна на первом этаже в левой части главного фасада и есть окна бывшего кабинета, в котором прошли его последние дни В.С. Соловьева.

Рядом с кабинетом в комнате, ранее бывшей уборной С.В. Толстой, была устроена диванная, игравшая роль еще одной гостиной, но более камерной, для интимных бесед. Ее интерьер состоял из диванов, расставленных вдоль стен (в 1900 г. в диванной жили мать и сестры В.С. Соловьева). мода на диванные - «времен Очакова и покоренья Крыма» откуда в числе прочих трофеев были привезены мягкие и низкие турецкие лежанки (в ханском дворце в Бахчисарае диванная - место заседания мудрецов и принятия самых важных общественно-политических решений). Как видим, в концепцию архаичного образа дома вписывалось и сознательная организация архаичных интерьеров. Принципиально новым явлением стало устройство в столовой зимнего сада.

В начале 1930-х гг. надстройка вторыми этажами галерей между господским домом и флигелями изменила благородные пропорции ансамбля. Первоначально легкий и воздушный, особенно в летнее время, когда окна галерей и все входы были открыты, он стал тяжеловесным и монотонным! Непропорционально большие почти квадратные окна первоначально разделяли пилястры, впоследствии утраченные при одном из ремонтов. В то же время была частично изменена планировка зданий. Некоторые из комнаты были разделены перегородками, превратившись в номера

для отдыхающих (в 1920-х гг. их делили сами отдыхающие в санатории при помощи простынь). В декабре 1969 г. на втором этаже господского дома произошел пожар, нанесший значительный ущерб его интерьерам, тем не менее, дом был достаточно быстро восстановлен, т.к. повреждения не носили конструктивный характер. В 1979-1983 гг. Всесоюзный реставрационный комбинат косметически отреставрировал господский дом и флигели. К северному переходу между ними была пристроена шахта лифта, который предназначался для самых пожилых отдыхающих. За последние десятилетия господский дом, как писал коллекционер С.А. Шустер, так «... сильно обветшал, что стены его дали трещины, что штукатурка во многих местах обвалилась, обнажая старый коричнево-красный кирпич, и что колонны особняка в таком состоянии, будто им уже не под силу нести его ампирный карниз». За последнее время с приходом нового руководства санатория ситуация стала улучшаться. Отремонтированы номера, в 2006 г. был приведен в порядок обветшавший за последние годы балкон.

Напротив входа в кухонный флигель сохранился расположенный особняком **ледник**. Четкой датировки это сооружение не имеет из-за отсутствия соответствующих архивных документов и четко выраженных стилистических форм. Гипотетически он мог быть сооружен одновременно с кухонным флигелем, к которому относился функционально, т.е. в 1770-е гг. Верхняя деревянная часть здания в ее современном виде, очевидно, появилась на рубеже XIX-XX вв. при Трубецких. В таком виде ледник увековечен на хранящемся в Узком рисунке Мартироса Сарьяна 1952 г.

Северо-восточнее господского дома в начале 1930-х гг. был выстроен двухэтажный деревянный корпус, с большими квадратными окнами, который называли «**Кошкин дом**» из-за того, что обитатели этого здания одно время активно привечали местных кошек (название достаточно типично

для санаториев, например, свой «Кошкин дом» был и в санатории Союза архитекторов, расположенном в подмосковной усадьбе Суханово). Ныне это здание, имеющее мемориальное значение, т.к. в нем до 1980-х гг. жили крупные ученые, отдыхавшие в санатории «Узкое», используется как административный корпус санатория и недавно облицовано пластиком.

От «кошкиного дома» можно пройти к Круглому или Питьевому пруду, расположенному восточнее господского дома на безымянном левом отвершке Мартыновского или Алтуховского оврага, вдоль отвершка шла дорога «из села Ускова в село Ясенево», пересекавшая овраг. Его названия говорят сами за себя: небольшой пруд действительно круглой формы (на плане 1767 г. он сильно вытянут вдоль отвершка), из этого пруда брали воду для питья. Нужно думать, что Круглый пруд имел и противопожарные функции, о чем говорит его достаточно близкое размещение по отношению к основным постройкам Узкого: сооружение прудов именно с такой целью характерно для многих усадеб. При князе Алексее Борисовиче Голицыне, на берегу этого пруда был поставлен небольшой прямоугольный кирпичный павильон, стилистически близкий к другим служебным и хозяйственным постройкам, сооруженным в Узком в то время (в советское время в нем стояли моторы, подававшие воду на стоявшую рядом в парке металлическую водокачку, сильно обветшавший павильон был разобран после ликвидации водокачки в 1991 г.).

Южнее Круглого пруда и юго-восточнее господского дома расположен вытянутый с запада на восток комплекс **Больших оранжерей** - специальных помещений для выращивания и содержания теплолюбивых растений (оранжерея, буквально «апельсинник»), ныне использующийся как парник. До 1941 г. в ней выращивали розы, одно время в оранжереях также находились лыжная база

санатория Узкого, а до середины 1990-х гг. склад книг санаторной библиотеки, не вмещавшихся в основных постройках. Оранжереи являются самой известной и значительной постройкой усадебного парка Узкого, почти лишенного архитектурного убранства, ограничивая его территорию с юга и участвуя в организации панорамы усадьбы (такие сооружения традиционно ориентированы по оси север-юг и Большие оранжереи в Узком не являются исключением).

Документы о строительстве Больших оранжерей не сохранились. Их официальная датировка конец XVIII-начала XIX вв. не имеет архивного подтверждения. Точной атрибуции здания мешает и его частичная сохранность. Тем не менее, стилистические особенности Больших оранжерей, позволяют связать их сооружение со временем владения Узким Алексеем Борисовичем Голицыным, конкретно с 1770-ми гг. Это тем более вероятно, поскольку на самом раннем известном плане Узкого 1767 г., постройки в этой части усадьбы не отмечены. Документально известно, что при А.Б. Голицыне в Узком существовало оранжерейное хозяйство, которое обеспечивало не только внутренние потребности семьи, но и приносило доход. Это следует из переписки между двоюродным и родным братьями владельца Узкого Николаем Михайловичем и Владимиром Борисовичем Голицыными. Н.М. Голицын в письме от 20 апреля 1794 г. поинтересовался у В.Б. Голицына какую часть урожая, выращенного в оранжереях Узкого, продать, а какую оставить для варки его жене Наталье Петровне Голицыной. Предположение о создании комплекса Больших оранжерей при сыне Алексея Борисовича Голицына Егоре Алексеевиче в 1795-1811 гг., напрашивающееся исходя из официальной датировки памятника, выглядит нереальным, для того периода невозможно появление барочных волют на хозяйственной постройке, сооруженной под Москвой. Хотя архаика в принципе характерна для

загородных усадеб, зачастую являвшимися собраниями разного рода анахронизмов, как бытовых, так и архитектурных, однако архаика - архаике рознь. И если постройки, характерные для середины XVIII в., еще могли появиться в ближних окрестностях Москвы в разгар екатерининского царствования, то их строительство там уже немыслимо даже в 1780-х гг., не говоря уже о рубеже XVIII-XIX вв. Благодаря уточнению датировки можно говорить о том, что Большие оранжереи в Узком - один из самых ранних оранжерейных комплексов в Москве и Подмосковье, дошедших до настоящего времени. Более того, Большие оранжереи Узкого были одними из самых крупных оранжерей в подмосковных усадьбах, недаром даже в литературе советского времени их называли грандиозными.

Первоначально Большие оранжереи были трехчастными. Их композиционный центр акцентировал кирпичный оштукатуренный классицистический павильон («ранжевой зал»), имевший самостоятельное функциональное значение: в качестве ворот между оранжерейными корпусами и приюта для гуляющих по парку. Два вытянутых фасада этого здания разрезал сквозной трехарочный проход, с обеих сторон фланкированный простыми дорическими колоннами с фронтонами над ними. По сторонам от прохода фасады здания украшали ниши, в которых могли находиться небольшие скульптуры или белокаменные вазоны. Павильон зрительно разделял примыкавшие к нему длинные, монотонные, сильно вытянутые по прямой, почти идентичные оранжерейные корпуса, в которых и выращивались растения, делая весь комплекс легче, воздушнее. Стилистически он близок к первой из построек Английского сада в парке подмосковной усадьбы Царицыно павильона Нерастанкино, предназначавшегося для отдыха гуляющих (первоначально назывался «галереей в Английском саду», позднее с легкой руки литератора П.И. Шаликова его именовали «храмом меланхолии»).

Нерастанкино было выстроено в 1803-1804 гг., как считается, по проекту И.В. Еготова, за работами наблюдал архитектор И.Т. Томанский. Возможно, оба павильона и в Узком и в Царицыне имеют общий увражный прототип. Южный фасад Больших оранжерей был декорирован могучими контрфорсами с барочными волютами над ними, т.е. их оформление имело детали сходные с аналогичными на конном дворе.

Донесение приказчика села Узкого В. Воробьева А.А. Гневышеву - управляющему Московской домовой конторой тогдашнего владельца имения Владимира Петровича Толстого от 14 января 1846 г. подтверждает использование Больших оранжерей семьей владельца как парковый павильон. Об этом же свидетельствует и размещение в «ранжевом зале» шкафа с чайниками и графинами (по описи 1846 г.), превращавшего его в импровизированный «чайный домик». Видимо, вскоре в павильоне Больших оранжерей были проведены какие-то строительные работы, так как 4 марта 1846 г. В. Воробьев в своем очередном рапорте В.П. Толстому сообщил, что живший тогда в Узком архитектор В.В. Александров «...принес размер ранжевому залу», т.е. его план. Крупные переделки в здании были произведены в 1859 г., когда было приказано в павильоне фронтоны и колонны по фасаду «строить», но неясно идет речь о ремонте архитектурных элементов, или их строительстве заново по образцу ранее существовавших.

П.Н. Миллер на заседании комиссии «Старая Москва» 8 ноября 1923 г. констатировал, что стена Больших оранжерей «...идет сажень на 20-30...». Это замечание позволяет предположить, что они сильно пострадали в первые годы после Октябрьского переворота и к тому времени приобрели современную конфигурацию, иначе были бы гораздо длиннее. В настоящее от Больших оранжерей

остались только павильон (частично) и примыкающий к нему восточный оранжерейный корпус, что существенно снижает их ценность в качестве памятника архитектуры. Из-за понижения рельефа восточный корпус имеет укрепленный контрфорсами высокий цоколь, в котором устроено небольшое дополнительное помещение, хозяйственного назначения. Северный парадный фасад павильона, обращенный к господскому дому, сохранил портик с крыльями, но лепные капители колонн утрачены полностью, белокаменные цоколя и базы колонн деформированы, имеются дефекты и в белокаменном карнизе. Треугольный фронтон давно заменен прямоугольным аттиком. Полуциркульные окна восточного корпуса, венчающиеся замковыми белыми камнями, растесаны, южный фасад его также неоднократно перделывался. Но даже в таком виде Большие оранжереи свидетельствуют о высоком вкусе и грандиозном масштабе усадебного строительства в Узком.

От оранжереи мимо руин парника, сооруженного во 2-й пол. 1940-х гг., дорожка ведет к полуразрушенным пилонам южных ворот. Еще на плане 1767 г. в этом районе показаны «столбы каменные» - южные ворота тогда бывшие единственными. Возможно это те самые, ворота, которые существуют сейчас. Если это так, то они обозначены неверно и должны находиться правее, открывая дорогу в усадьбу Большое Голубино, исторически тесно связанную с Узким. Ныне существующие ворота - два кирпичных пилона, с примыкающими к ним стенками. В их цоколе использован белый камень, чего нет в Западных и Северных воротах. К настоящему времени они обветшали и находятся в руинированном состоянии, в частности потому что в 1970-е гг. в ходе реставрации был использован не специальный реставрационный, а обычный кирпич. Видимо, возникновение Южных ворот в их нынешнем виде следует отнести ко времени Трубецких, проявлявших активное внимание к этой части

усадьбы. При них слева и справа от ворот были выстроены Розановая и Персиковая оранжереи (в настоящее время не существуют). В оранжереях выращивались цветы, земляника, персики, сливы и др. Недалеко от них находилось здание омшаника – постройки для зимовки пчел, в котором летом жили сезонные работницы (наличие омшаника свидетельствует о том, что в Узком была своя пасека), пасека рядом с южными воротами показана и на плане 1949 г.). Оформление воротами дороги на Большое Голубино могло быть связано с переходом этого имения жене владельца Узкого княгине А.В. Трубецкой в 1890-х гг. Теперь южные ворота пребывают в запустении, поскольку установка современной металлической ограды санатория лишила их функционального значения.

От ворот можно повернуть направо и пойти через парк по дорожке, ведущей к террасным прудам. Парк Узкого, объединяющий многочисленные разнохарактерные постройки усадебного комплекса, включает в себя регулярную и пейзажную части (Марьиная и Михалкова рощи), которые правильнее рассматривать как лесной массив, живущий по своим законам. Сложность рельефа создает обилие естественных видовых точек, с которых открываются великолепные виды. По всему парку встречаются отдельные старые деревья: ели, сосны и лиственницы. Парк сложный по планировке и отличающийся, богатым видовым разнообразием древесной растительности преимущественно лиственных пород с преобладанием липы имеет культурно-историческое, эстетическое значение, дает пристанище многочисленным видам животных и растений, с 1960 г. является памятником садово-паркового искусства. Это один из лучших усадебных парков в Москве и Подмосковье. Старая планировка парка, прослеживается достаточно хорошо, но в целом парк сильно зарос и запущен. К 1985 г. в нем оставалось только 22 процента от насаждений, существовавших на момент Октябрьского

переворота. Сейчас их, разумеется, еще меньше. Таким образом, от прежнего парка сохранились лишь отдельные фрагменты, а местами отдельные старые деревья.

Территорию регулярной части парка с запада ограничивает поражающая своей грандиозностью цепь террасных прудов, устроенных на притоке Чертановки «безымянном овраге» (она показана на плане Узкого 1767 г.). Пруды вытянуты с юга на север, в настоящее время их четыре: Верхний, Второй, Большой (Иордань), использовавшийся как место освящения воды на праздник Богоявления, и Нижний, находящийся за оградой санатория (мы видели его по дороге в усадьбу). Кроме того, западнее их сохранился небольшой безымянный мелководный загрязнённый пруд, выполняющий роль отстойника. При Трубецких пруды окружала «живая изгородь», существовавшая еще в 1919 г. Ныне вокруг них находится старая обсадка из березы с примесью липы. Сохранились документальные сведения о том, что на прудах, по крайней мере, со времен Толстых, т.е. с 1-й половины XIX в. существовали купальни и пристани (хотя, надо думать, что в том или ином виде они были в Узком по крайней мере со времен Голицыных). В 2007 г. на Втором пруду для съемок фильма «Утомленные солнцем - 2» (режиссер Н.С. Михалков) выстроена деревянная беседка в псевдоклассических формах, окруженная галереей.

Дамба между Вторым и Большим прудами отмечена липовой аллеей, той самой, которая и дала название цитируемому выше одноименному стихотворению Б.Л. Пастернака. Вот еще несколько строк из него:

Там липы в несколько обхватов

Справляют в сумраке аллей,

Вершины друг за друга спрятав

Свой двухсотлетний юбилей

Расположенная за прудами территория Узкого, куда и ведет липовая аллея, носит название Марьино роща, по одной из владелиц этой усадьбы графини Марии Алексеевны Толстой, владевшей Узким в 1811-1826 гг. Тогда открытое пространство, начинавшееся сразу же за террасными прудами (оно показано на плане Узкого 1767 г.) было уничтожено и на нем была высажена эта роща. Марьино роща соединила расположенную за ней более раннюю Михалкову рощу (она находилась на пустоши Михайловка, расположенной между «дорогой в небо» и Михайловским оврагом, вдоль которого ныне проходит Новоясеневский проспект, и получила по ней свое название) с основной частью усадебного парка. На рубеже XIX-XX вв. по инициативе А.В. Трубецкой в усадебном парке был проложен ряд новых дорожек с лавочками, а на восточной окраине Марьиной рощи западнее Большого пруд, за небольшим безымянным прудом, на расчищенном участке, огороженном валунами, была сооружена «Марьева избушка», выполнявшая функции паркового павильона (не сохранилась). Она, видимо, была выполнена в русском стиле, о чем свидетельствует ее название «избушка». В ней обычно Трубецкие устраивали чаепития после прогулок по парку. В настоящее время Марьино роща фактически слилась с лиственным лесом.

Чтобы вернуться к выходу с санаторной территории, нужно опять подойти к господскому дому и проходной. Оказавшись за пределами санатория, пойдём к Северным воротам, по Тютчевской аллее, идущей перпендикулярно Санаторной и являющаяся главной композиционной осью усадебного комплекса - вдоль нее расположены все основные усадебные постройки. Тютчевская аллея обсажена

средневозрастными липами, т.е. собственно аллеей она стала уже в советское время, хотя дорога тут была очень давно: на плане Узкого 1767 г. Тютчевская аллея обозначена как «дорога из села Ускова в село Кон[ь]ково». Современное название, являющейся попыткой увековечить имя поэта Ф.И. Тютчева, аллея получила только в 1997 г. к 850-летию Москвы. что в свою очередь вызывает недоуменные вопросы: когда Ф.И. Тютчев приезжал в Узкое и почему об этом не пишут? В действительности в Узком Ф.И. Тютчев, приходившийся родственникам Остерманам-Толстым, никогда не был: в «Летописи жизни и творчества Ф.И. Тютчева» (Мураново, 1999) не отмечены его приезды в эту усадьбу. Конечно, авторы топонима Тютчевская аллея стремились всего лишь как-то отметить имя поэта, причем по возможности ближе к месту, где прошли его юношеские годы: детство Ф.И. Тютчева прошло недалеко от Узкого в отцовской усадьбе Троицкое (Троицкое на Теплых станах), ныне входящей в черту подмосковного поселка Мосрентген (от усадьбы Тютчевых сохранились: церковь Троицы кон. XVII в., с переделками 1825 г., попорченная современными поновительскими работами, два пруда с плотиной между ними и, частично, усадебный парк). Теперь не менее, у сторонников гипотезы посещения Ф.И. Тютчевым Узкого появился аргумент - название аллеи! Скоро аргументов будет еще больше, т.к. на Тютчевской аллее, согласно постановлению Московской городской думы, предполагается установить бюст Ф.И. Тютчева расчетная стоимость которого 5 миллионов рублей (гораздо логичнее здесь бы выглядел памятник В.С. Соловьеву). История этого неудачного названия показывает необходимость очень осторожного подхода к топонимике в исторически сложившихся частях города. Он приходился троюродным дядей поэту Ф.И. Тютчеву, которому его жена, используя свои обширные связи, в 1825 г. выхлопотала

придворное звание камер-юнкера. В молодости Ф.И. Тютчев нередко проводил летние месяцы в подмосковном имении своего отца, Ивана Николаевича, селе Троицком. Относившаяся к нему же деревня Верхние Теплые Станы граничила с Узким, в котором вполне мог бывать юный поэт.

Все здания по Тютчевской аллее поставлены в одну линию вдоль ее правой стороны. Ближайшее к церкви - корпус служб - длинная монотонная постройка, сложенная из большемерного кирпича под двускатной кровлей на белокаменном цоколе, не отличается особым изяществом, но представляет интерес в бытовом плане как один из элементов ансамбля богатой барской усадьбы. Она предназначалась для размещения вотчинной администрации Узкого. Официальная датировка здания: XVIII - начало XIX вв. не подтверждается документально. Стилистическое единство со зданием кузницы, сооруженной одновременно с конным двором, позволяет отнести корпус служб ко времени А.Б. Голицына и датировать 1770-1780-ми гг. Протяженные фасады, с равномерным ритмом оконных проемов, организованы рустованными пилястрами, отвечающими положению внутренних стен и венчающим карнизом. Наличники кирпичные с замковыми камнями, такие же, как на здании кузницы. Благодаря падению рельефа северная часть здания имеет высокий белокаменный цоколь.

Дом управляющего упоминается в воспоминаниях писателя Н.Д. Телешова, отдохавшего в Узком в 1920-1930-х гг. Но в дореформенное время административные функции в имении выполняли приказчики. В середине XIX в. при Толстых приказчиком в Узком долгое время был Василий Воробьев, видимо, этот корпус использовался им. В советское время в корпусе служб находились конторские помещения санатория «Узкое». Судя по фотографиям 1930-х гг., тогда к его северной части было пристроено несуществующее ныне крыльцо, возможно более раннее. В 1950-х гг. к южной

части здания сделана небольшая пристройка, в результате чего корпус стал Г-образным в плане. До середины 1990-х гг. в здании находился детский сад. Во дворе еще сохранились сооружения детсадовской детской площадки. В настоящее время южную часть здания занимает церковно-приходская школа, южную - коммерческая структура. Современная неудачная окраска в салатовый цвет и забор из проволочных секций исказили внешний вид памятника.

В одну линию со службами – поставлен небольшой деревянный жилой флигель - образец провинциального зодчества (Профсоюзная ул., 123А, стр. 12), предназначавшийся для жилья служителей. Постройка не сохранила, а возможно, никогда их не имела стилевых черт, за исключением оконных проемов, характерных для позднего классицизма. Но они в нарушение классицистических традиций декорированы наличниками, которые были более уместны на деревенской избе, чем на здании, входящем в ансамбль богатой дворянской усадьбы. Несмотря на это, флигель представляет интерес, как одна из немногих построек, связанных с периодом владения Узким Толстыми и сохранивших облик, близкий к изначальному.

Судя по внешней обработке, здание было сооружено в 1830-1840-х гг. Возможно, именно к нему относятся известные по документам сведения о строительстве в Узком с 8 по 30 мая 1839 г. некой жилой деревянной постройки. На рубеже XIX-XX вв. с юга к нему пристроена закрытая терраса, также декорированная большими прямоугольными окнами, сохранившими столярку с мелкой расстекловкой.

По свидетельству академика Академии медицинских наук Г.Н. Сперанского, в конце XIX в. здесь жили служащие Трубецких, в том числе столяр. Тут же находилась и столярная мастерская. В

1920-е гг. в этом здании размещался семенной кабинет рассадника кормовых трав, а позднее находились детские ясли. На плане Узкого 1949 г. отмечено, что они подлежат выводу. В 1950-х гг. здание было расширено с севера и получило кирпичную пристройку со двора. Тогда одно время в нем жили директора санатория «Узкое». С 2006 г. в этом здании работает продуктовый магазин.

Аллея заканчивается у **Северных ворот**, аналогичных «Небесным», но гораздо лучше сохранившимся, они отделяют жилую часть имения от хозяйственной. Западнее ворот, уже за пределами Тютчевской аллеи, поставлен интересный двухэтажный деревянный жилой дом, сооруженный для персонала санатория «Узкое» в 1929 г. Типологически он близок к домам для рабочих, сооружавшимся тогда в провинции рядом с заводами и фабриками. Очень близкие по архитектуре здания есть в Вологде.

Восточнее ворот находится кирпичное одноэтажное здание **кузницы**, очевидно, сооруженное в 1770-х гг. Её декор сводится к одинаковым квадратам руста пилястр и простым кирпичным наличникам с замковыми камнями, что подчеркивает второстепенное значение здания в ансамбле. Стилистически кузница тяготеет к расположенному недалеко от господского дома, служебному корпусу. В экспликации к плану Узкого 1932 г. кузница значится жилым домом, а на плане 1949 г., составленном архитектором А.П. Седовым, она названа полуразрушенным строением, предназначавшимся к расчистке, т.е. сносу. Однако, это не помешало кузнице частично сохраниться и даже быть использованной под гараж. В 1994 г. были воссозданы его средняя и южная части, но не доведенные до конца работы были остановлены. Только в 2000-х гг. кузница получила крышу, было оштукатурена и окрашена в красный цвет с белой детализировкой.

За Северными воротами расположены двухэтажные дома, сооруженные в 1949-1955 гг. для сотрудников Института химической физики АН СССР и одновременный кузнице грандиозный **конный двор**, сложенный из кирпича в виде обширного замкнутого каре. Этот редкий образец мемориально-триумфальной архитектуры и самый значительный памятник в Узком после церкви связан с именем Алексея Борисовича Голицына. Наиболее торжественно решен западный фасад конного двора, ориентированный вдоль подъезда к усадьбе с севера. Его центр с севера, акцентирует двухэтажная башня, суровый, почти крепостной характер которой рождает героический образ родового феодального княжеского замка Голицыных. Эффект усиливали мощные белокаменные контрфорсы, поставленные по краям здания. Прозаическое назначение комплекса: жилье для кучеров и конюхов, конюшня и каретный сарай скрывалось за этой романтической декорацией. Высокая арка в нижнем ярусе башни открывает парадный въезд в просторный внутренний двор, куда выходит замечательная аркада на столбах, заставляющая вспомнить о некогда многочисленных торговых рядах екатерининской эпохи, еще доживающих свой век в провинциальных городках (в настоящее время аркада заложена кирпичом, что спасло ее от полного разрушения). Окна на фасадах здания декорированы характерными для позднего барокко «ушастыми» наличниками с замковыми камнями.

В литературе создание конного двора в Узком обычно относят к середине XVIII в. Мотивация такой датировки следующая: на плане 1767 г. на этом месте показаны четыре Г-образных здания, образующие замкнутое прямоугольное пространство. Однако идентифицировать их с нынешним зданием конного двора едва ли возможно, даже при всей условности зданий, изображенных на планах генерального межевания. Дошедший до нас комплекс, в отличие от изображенного на плане 1767 г.,

представляют из себя единое сооружение, причем, имеющее в плане полуциркульную конфигурацию. Это дает основание полагать, что на плане показан предыдущий конный двор, также находившийся на этом месте. Это очень вероятно, поскольку традиция возобновления построек одного назначения на прежних местах в принципе свойственна усадебной культуре. Напротив конного двора на плане 1767 г. показаны два больших П-образных в плане корпуса, возможно, скотный двор (ныне это место занимают двухэтажные дома, для сотрудников Института химической физики АН СССР, выстроенные в 1949-1955 гг.).

Стилистические особенности конного двора, позволяют отнести его сооружение к 1770-м гг. Крайне сомнительно, чтобы братья Голицыны, одно время собиравшиеся продать Узкое генерал-аншефу П.И. Панину, вели в усадьбе новое капитальное строительство в 1768-1772 гг. и лишь когда из них выделился новый владелец Узкого А.Б. Голицын, в усадьбе были проведены большие строительные работы, что имеет документальное подтверждение. Несмотря на такое уточнение датировки, конный двор в Узком остается самым старым усадебным конным двором из сохранившихся на современной территории Москвы и одним из самых ранних в Подмосковье (при Трубецких он использовался как коровник). Это едва ли не единственный памятник такого типа в регионе, в целом сохранивший барочную стилистику.

В 1930-х гг. при реконструкции конного двора ликвидировали барочные фронтоны, подчеркивавшие края центрального фасада (очевидно, при ремонте кровли), а жилые помещения расширили за счет внутреннего двора. К сожалению, в 1996 г. был бессмысленно уничтожен единственный сохранявшийся до того времени белокаменный контрфорс, держащий южный угол

главного западного фасада. Несмотря на то, что многие архитектурные элементы конного двора утрачены или искажены, то, что уцелело, позволяет судить и о композиционных приемах и о характере деталей архитектуры позднего барокко XVIII в.

Вместе с кузницей конный двор фланкировал начало дороги, являвшейся улицей деревни Узкое, снесенной в середине 1980-х гг. Затем она поворачивала под прямым углом вправо. В крестьянских избах еще даже в 1970-х гг. селились на лето дачники. Деревня хорошо дополняло общий ансамбль усадьбы и должно была бы входить в ее охранную зону. Снос его был бессмысленным — за исключением небольшой части, попадавшей на трассу прокладываемого в то же время Севастопольского проспекта, его территория не подлежит застройке из-за близкого соседства с усадьбой. Теперь вместо деревни — пустырь с остатками фруктовых деревьев и одноэтажным кирпичным зданием бани, построенным в 1930-х гг. (после пожара в 1990-х гг. оно лишилось прежней крыши, превратившись в подобие большого кирпичного сарая). Бывший деревенский центр отмечает **обелиск** — памятник жителям Узкого, погибшим в 1941-1945 гг.

ВОПРОСЫ НА МАРШРУТЕ

1. **Вопрос:** Откуда такое название: Узкое?

Ответ: от прозвища одного из первых владельцев.

2. **Вопрос:** Прочему западные ворота в Узкое называются Небесными?

Ответ: поэтому при выезде из Узкого по аллее через Небесные ворота было видно небо.

3. **Вопрос:** Памятником какого архитектурного стиля является церковь в Узком?

Ответ: нарышкинский стиль

4. **Вопрос:** На какие основные территории делятся угодья Узкого?

Ответ: Марьина роща и Михалкова роща.

5. **Вопрос:** Как с Узком связана Готская библиотека?

Ответ: после войны она хранилась в церкви Узкого.

6. **Вопрос:** Кто из выдающихся философов скончался в Узком?

Ответ: Владимир Сергеевич Соловьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробко М. Ю. Храм усадьбы Узкое: история сооружения и реставрации // Московский журнал. — 1993. — № 4.
2. Коробко М. Ю. Граф Петр Александрович Толстой (1769—1844): материалы к биографии // Московский журнал. — 2011. — № 12.
3. Коробко М.Ю. Москва Владимира Соловьева. - М., 2001. - (Природное и культурное наследие Москвы).
4. Коробко М.Ю. Москва усадебная. М., 2005.
5. Коробко М. Ю. Московский предводитель: Жизнь и судьба князя Петра Николаевича Трубецкого

(1858—1911) // Московский журнал. — 2011. — № 9. — С. 2—22.

6. Коробко М. Ю. Подмосковная Узкое: Имение и его владельцы. Художественное собрания усадьбы // Наше наследие. 1994. № 29-30.
7. Коробко М.Ю. Последние дни Владимира Соловьева // Наше наследие. - 1994. - № 32.
8. Коробко М. Ю. «Самый способный из всех Голицыных» // Московский журнал. 2018. № 3.
9. Коробко М. Ю. Узкое // Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. — М., 1996; [Изд. 3-е, испр]. — М. СПб., 1997.
10. Коробко М.Ю. Усадебные ансамбли Москвы: Воронцово, Знаменское-Садки, Узкое, Черемушки-Знаменское, Ясенево. М., 2022.
11. Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: владельцы и владения // История (Издательский дом «Первое сентября»). - 2004. - № 2-3.
12. Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: Историко-культурный комплекс ХУП-XX веков. - М., 1996. - (Природное и культурное наследие Москвы).
13. Челышев Е. П., Коробко М. Ю. Усадьба Узкое и Владимир Соловьев/ М., 2012.